

Палантир

The background of the cover is a stylized, painterly illustration of a landscape. In the foreground, there are rolling hills covered in dense, golden-yellow wildflowers. A lone hiker with a backpack is seen from behind, walking along a path that winds through the hills. In the mid-ground, there are more rolling hills in shades of green and yellow. In the background, a large, dark mountain peak rises against a sky with soft, white clouds. The overall color palette is warm and naturalistic, with a focus on greens, yellows, and browns.

Журнал
Толкиновского общества
Санкт-Петербурга

апрель 2016

В НОМЕРЕ :

От редакции 3

Макдуф (Эрандил, Алексей Семёнов).

Письма Эрандила. <i>(собраны и подготовлены М. Семенихиной)</i>	4
Отрывок из баллады о Берене и Лутизнь.	18
Мифопоэтическое пространство в литературе XX века.	19
Королева сидов.	42
Степь. Ночь.	44
Теория Л.Н. Гумилева применительно к истории Средиземья.	46
The Hoarwell Bridge.	68
Журчит ручей торопливый.	69
Баллада.	70
Уход из детства.	71

Обложка и оформление — Моргул

Palantir®**ПАЛАНТИР****№72 апрель 2016****Журнал Толкиновского Общества
Санкт-Петербурга**

Этот номер для вас делали:

Золтан Бардинг, Мария Семенихина, Моргул

e-mail: palantir.mail@mail.ru twitter: [TolkienSpbRu](https://twitter.com/TolkienSpbRu)Наш сайт: tolkien.spb.ru**Copyright © 1997–2016 Толкиновское Общество СПб**

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества Санкт-Петербурга запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право производить необходимые правки в публикуемых материалах. Просим авторов соблюдать принятое в журнале оформление материалов, учитывая используемые шрифты и кегли, оформление сносок, иллюстраций и таблиц.

Благодарим авторов за сотрудничество с журналом.

Издание журнала не преследует коммерческих целей. Тираж - 100 экземпляров.

Редакция журнала благодарит автора использованных в издании шрифтов
Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниеля Стивена Смита.

Макдуф

(Эрандил, Алексей Семёнов)

13.08.1970 – 03.01.2016

Недавно мы потеряли близкого друга. Трагически погиб Макдуф, известный многим как Эрандил. Он был одним из основателей нашего Общества, верным товарищем, талантливым поэтом, блестящим исследователем, мастером ролевых игр, увлеченным и очень ярким человеком.

Выпуск журнала, который вы сейчас читаете, необычный. Мы решили полностью посвятить журнал работам Эрандила, его стихам, письмам и статьям.

Это наш прощальный подарок другу, знак нашей памяти и благодарности.

Namárië!

Письма Эрандила

В данную подборку вошли фрагменты переписки, которая началась с ответа Эрандила на письма, которые я посылала в редакцию передачи «Хоббит-клуб» на петербургском радио, и продолжалась немногим более года. В наших письмах обсуждались многие идеи, сюжеты и персонажи книг Толкина (и не только Толкина), и некоторые затронутые в них темы (например, география Средиземья) были развиты в докладах на первых БТС и статьях, публиковавшихся в «Резвом Пони» и «Палантире». Но в них немало и фрагментов менее научного и более «камерного» характера, которые представляют интерес и с точки зрения истории Толкиновского Общества, и как штрихи к портрету самого Эрандила, и как свидетельства той загадочной эпохи, которая породила и Толкиновское Общество, и Эрандила, и, в общем, всех нас, именующих себя странным словом «толкинисты»...

Авторские орфография и пунктуация сохранены.

М. Семенихина

13.11.1994.

... Если в конце сентября Вам довелось послушать передачу «Хоббит-клуб» (1), где молодой человек, плохо выговаривающий «р», дрожащим голосом читал два своих сонета – то Вы слышали меня. Если нет, то я просто Леша Семенов, путешественник в Средземелье.

Письма Ваши – без шуток – меня просто очаровали, и пусть я где-то не совсем согласен с Вами по букве, то по духу, как бы это выразить по-русски, мы явно дышим одним воздухом, вот. А спорить с Вами мне не хочется, потому как рождается в споре не истина, а только скандал, ссора, плохое настроение и нехорошие слова, кончается же это все это (в лучшем случае) худым миром. Истина же предвечна и существует объективно – как Бог, да она и есть Бог, так как Бог – это Истина. А мы можем не рождать, а постигать Истину через Слово – суть информацию, суждение, адекватное истине. Но это все не очень лирическое отступление, теперь к делу.

Поскольку спорить я не буду, то, как говорил наш недавний лидер, «давайте с нами обменяемся».

О себе: во-первых, считаю себя толкинистом, но не «толконутым».

Во-вторых, считаю, что творение Толкина можно и нужно изучать и дополнять, но не продолжать и изменять, ибо всякое продолжение и изменение в мире Толкина (вторичной реальности, Малом Творении, на которое всякий имеет право) равнозначно тому, как если бы кто-то на Земле попытался претендовать на место Творца (кстати, многие шли по этому пути – и ни к чему хорошему не приходили. К чему они приходили – это, я очень надеюсь, мы обсудим

в следующих письмах). То, что сделал Николай Перумов – талантливо, но эклектично и плоско с точки зрения Искусства и лживо – а значит, и является Злом – с точки зрения Истины мира Толкина (а значит, и нашего мира – Земли). А вот писание всяческих стихов, исследований, комментариев, сочинений и даже дополнений-апокрифов (к слову сказать, апокрифы не отвергаются церковью, а просто не канонизированы, но рекомендуются к прочтению). И еще к слову: так как книга Толкина, по его собственным словам, получилась по духу католическая, то считаю правильным употребление в комментариях и толкованиях к ней христианской мысли и терминологии наиболее верным. И – кто знает – если «Властелин Колец» – Библия (не в смысле тождества, а в смысле проведения параллелей), то, может, кто-то напишет и Пятое Евангелие;

в-третьих, не приветствую ролевых игр по Толкину, хотя и не сказал бы, что категорически против них;

в-четвертых, чтобы прояснить мои дальнейшие писания, перечислю тех китов, на которых держусь:

1) «Серебряный век», особенно акмеизм (в понятие «Серебряный век» склонен включать и Набокова, и Тарковского Арсения, и Бунина, и многих других, Маяковского и Есенина к примеру);

2) учение об этногенезе и пассионарности Льва Николаевича Гумилева;

3) системный анализ как способ рационального постижения истины (в Санкт-Петербурге, в частности, по работам небезызвестного Анатолия Алексеевича Денисова (2) – профессора, бывшего депутата и вроде по сей день коммуниста);

4) советская (точнее – антисоветская) рок-музыка и авторская песня;

5) романтизм (от Блэйка к Мелвиллу, Стивенсону, Диккинсон, Бодлеру, Готье – и дальше – к Beatles, Stones, Purple и т.д.),

а также многое другое.

Теперь, когда перечислены аксиомы, можно попытаться вывести некоторые теоремы.

... Сам Толкин смысловой единицей считал не слово (имя), а текст, т.е. гораздо более крупную структурную единицу, и аллюзии у него я стал бы искать на основе сюжетных линий... Об именах же скажу следующее: естественно, они индоевропейского происхождения, но не только. Ведь эльфийский язык – совершенно самостоятельный язык, а не скрещение существующих ныне, здесь действует не принцип отображения (функции) или суммы, а принцип системы (извините, может, я говорю непонятно, но у меня высшее техническое – сугубо техническое – образование), поэтому сопоставление с греческим, или германскими, или кельтскими языками эльфийских имен правомерно, но очень косвенно. Кроме того, я не нашел в попавших ко мне Ваших письмах параллелей с финно-угорскими языками, с балтийскими – а ведь «Силмарилион» (орфография моя) задумывался поначалу как что-то вроде английской «Калевалы», да и эльфийский во многом напоминает финский (например, отсутствие в начале слова двух согласных звуков).

Далее. Имена ведь такая штука – народы появляются и исчезают (этногенез – это слово я у Вас обнаружил), сильные этносы подчиняют или выгоняют соседей – а культурная традиция (в т.ч. имена) передается по наследству, а этнос, глядишь, и вовсе не тот. Приходят сильные

пришельцы – в знак уважения берутся их имена (этноним татары, к примеру, – детективная с ним история – почитайте Л.Н. Гумилева, если еще не читали). Принц берет в жены принцессу из другого королевства – ребенка в знак уважения к родне жены называют иноязычным именем, и т.д. и т.п. Словом – путаница, хотя часто имя дает единственную нить к восстановлению исторической правды. Я вот тоже провел исследование (правда, не имени, а титула, но прецеденты были в истории – когда историки принимали титул за имя): Сталин известен как Великий Кормчий, т.е. – по-гречески – Великий Кибер. Кибер же – это электронное устройство, работающее по программе, т.е., применительно к человеку, кибер – это зомби. Отсюда мораль: Сталин был кем-то зомбирован (отсюда «кормчий-кибер») и страшно ненавидел кибернетику, за то, что одно ее имя напоминало ему об этом его психическом недостатке, а если вспоминать заключение Бехтерева – тут уж целую книгу можно написать (и ведь напишут).

Но оставим имена... – перейду к текстам и историческим и литературным аллюзиям.

... Боромир – Роланд – согласен (кстати, в комментариях к новому переводу Мария и Валера Каменковичи тоже проводят параллель Боромир – Роланд). Но вот еще одна параллель: старый Хельм – Роланд – вот тебе и рог, да посылнее Боромирова, вот тебе и горы, да более подходящие к Пиренеям, чем Эмин Майл, вот и враги, да не отряд орков, а целая армия, и не служители тьмы, а дунгары, т.е. обычные люди, как в «Роланде»...

... Рохирримы – готы, хотя язык у них мерсийский и символика – белый конь – тоже. Но ведь язык – это не более, чем перевод с Вестрона. А вот история: приход готов с Севера в Причерноморье и приход рохирримов с Севера в Каленардон. Конные армии, длинные копыя, высокая пассионарность, отсутствие собственной религии и сколь-нибудь культуры, кроме преданий, служба – союз с южным могучим высокоразвитым соседом – все сходится. И в родстве готы (рохирримы) с англосаксами (хоббитами) были – ведь германцы...

Теперь – дальше на Юг. Гондор. Это – Византия и Рим, но Византия и Рим средиземельские. Общее – лишь историческая роль (и в чем-то судьба), никакие кальки с любыми средневековыми королевствами не проходят, увы. Гондор – модель христианской страны, не знающей Христа (об этом гораздо лучше и понятнее, чем у меня, написано в комментариях к переводу Марии Каменкович. Книга, конечно, еще не вышла, но комментарии мне выпало счастье почитать).

На востоке – easterlings, с явно монголоидными чертами лица. Напрашивается параллель с гуннами (к слову, не все гунны рубили христиан направо-налево, некоторые бились со своими соплеменниками на стороне христианского воинства – вот как разные военачальники вастаков в Битве Бессчетных Слез в «Силмариллионе»), но не могли гунны просуществовать несколько тысяч лет – от Первой эпохи до Войны Кольца. Поэтому истерлинги – просто аналог время от времени доходивших до Европы кочевнических войск (жаль, Толкин не читал Гумилева: монголы Хулагу, шедшие к Иерусалиму, были несториане).

... Насчет деревьев: Толкин их все любит, включая ели. Он вообще в природе зла не видит – и постоянно это подчеркивает и в истории с Old Man Willow, и с бурей на Карадрасе. Природа – явление, категория неморальная: кислота не лучше щелочи, холод не лучше влажности, Леший (лес) не прогрессивнее Албасты (степь). Так же не добры и не злы

горы, озера, реки, обычные деревья и звери у Толкина. Добро и Зло присутствуют в деяниях – продуктах свободной воли.

... Интересен образ Арагорна – это не герой-профессионал, не обиженный король-эмигрант, не странствующий рыцарь, не участник похода за освобождение Гроба господня. Да и не так уж он добр и безгрешен: прав Перумов, припоминая как весьма сомнительный поступок поход по стезе мертвецов. Мне Арагорн предстает наиболее «синтезированным» персонажем, в то время как многие прочие (и в том секрет – один из секретов – привлекательности «Властелина Колец») максимально приближены к юнговским архетипам (Гэндальф – старый мудрец, Галадриэль и Арвен – вечно живое бессмертное высшее женское существо (Прекрасная Дама, если угодно), Боромир и Дэнетор – самость, Фродо и Фарамир – персона, Король-Чародей-Ведьма, поминаемый во многих переводах «липкий страх» – тень) или доминантам сознания (Голлум – эгоизм. Бомбадил – аттрактивность). В связи с Арагорном мне лично на ум приходят такие мотивы: король Артур («когда король вернется») да небольшая группа странствующих рыцарей Круглого Стола – дунаданов, волшебник рядом – Мерлин) и Дикая охота (Стезя Мертвецов), которую ведет предводитель светлых сил – Один. Но тут-то и контроверза: Дикую охоту возглавляет Черный Всадник, сопровождается она диким страшным волчьим воем, от которого жмутся и скулят домашние собаки (ну прямо как в сцене у Мэггота). Черный всадник – Арагорн, вот так-то. «А ведь какой назгул бы вышел!» – мог бы подумать Саурон. Это я привел две самые прямые аналогии, а сколько еще можно привести! – от Дон Кихота до Эарендила.

Ну вот и «обменялись»...

На сем откланяюсь и отшаркаюсь. Сейчас вечер, на небе тучи, но

Час встречи нашей освящен звездой!

(Именно освящен, пусть это – очень вольный перевод)...

- (1) «Хоббит-клуб» – передача на петербургском радио (редактор Н.А. Жукова, режиссер И. Ставиский), которая выходила в 1993 – 1995 гг. В ней принимали участие переводчики М. Каменкович и В. Каррик и другие члены будущего Толкиновского общества.
- (2) Денисов А.А. (1934 – 2010) – ученый и политический деятель, профессор Ленинградского политехнического института, автор ряда научных и учебно-методических работ по теории систем и системному анализу.

17.01.1995

... Моя история прихода в Средземелье такова: осенью 1991 года, когда начался книжный бум и все покупали, не особо разбираясь, различные подписки и книги (особенно много стало издаваться сказок), мама принесла первые два тома «Властелина Колец» (издательства «Радуга»). У меня тогда случилось что-то вроде депрессии – что бы ни взять читать, все не нравилось. Но вот я открыл форзац первого тома и увидел карту с кучей различных интересных топонимов. Причем карта подкупала своей естественностью (т.е.

на ней не было гор выше Эвереста, пропастей десятикилометровой глубины, архипелагов немислимых очертаний и размеров, отрезанных от мира плоскогорий и пр., чем грешат многие авторы вымышленных миров), а также неуловимой похожестью на какой-то уголок земли. Какой? Это выясняют многие и по сей день. Увидев карту, я уже не мог не интересоваться историей, связанной с ней. Ну, а тот, кто с интересом прочел «Властелина Колец», доберется и до «Хоббита», и до «Силмариллиона». А чувства у меня были похожи на Ваши – будто я наконец-то попал в то Другое Место, где когда-то был, и где было прекрасно. Лучше всего такое состояние передается термином **апперцепция** – восприятие или узнавание на основе прежних представлений. Видимо, «толкинизм» – это действительно особый склад души (слово «склад» здесь, я думаю, можно понимать двояко: жалко, что не каждый умеет отыскать у себя на склад что-то хорошее, вот и показывает всем то, что лежит на пороге – цинизм и грубость).

Так вот, к осени 1992 я уже прочел и «Силмариллион», и «Хоббита», и третий том «Властелина Колец», а к весне 1993 – сказки и эссе «On Fairy-Stories», а также много сопутствующих материалов по истории и древние эпосы. А дальше было труднее всего, потому что я был один, если не считать нерегулярно выходявшего «Хоббит-клуба», куда я и написал летом 1993 весьма сбивчивое и длинное письмо... Ответ не заставил себя ждать и пришел в конце августа 1994 («не пройдет и полгода»), когда правление клубом взяли в свои руки Маша и Валера Каменковичи. Теперь мой кристалл мировоззрения постоянно в легком движении, и Средьземелье стало ближе (даже не ближе – оно вокруг нас) без всяких ролевых игр.

Кстати, о них. По-моему, в основе тяги к играм лежит желание человека увидеть результаты своих деяний сейчас и здесь. В реальной-то жизни ой как трудно (а чаще всего просто невозможно) изменить что-либо хоть на йоту. Что касается мира Средьземелья, то ведь Средьземелье – это наш мир, а вот один из главных принципов существования мира – принцип личной ответственности – в играх в значительной степени ослаблен. Впрочем, людям свойственно играть, но, по-моему, самая интересная игра – поэзия.

А для моделирования иных миров (или каких-то иных состояний нашего мира) помимо первого способа – поворота кристалла мировоззрения – есть и другой, более действенный. Вот как об этом пишет сам Профессор (в письмах он просил звать себя именно так): «...творческая фантазия... пытается создать что-то новое, может отпереть вашу сокровищницу и освободить все запертые там вещи, как птиц из клетки. Тогда сокровища обратятся в цветы и пламя, и вы поймете, что все, чем вы владели (или что знали), – суть вещи мощные и опасные, свободные и дикие, а не закованные в цепи – и что они не более принадлежат вам, чем являются вами» (из «On Fairy-Stories»).

Вообще Профессор уделял много внимания дару Суб-творения, воплощение коего невозможно без фантазии. Посему личная моя просьба: не уничтожайте то, что Вы пишете, пусть даже Вам и кажется, что это не достойно внимания. Рукописи, увы, горят, да еще как! И дым от них горек: он щиплет глаза, жалит совесть, тревожит память – но ничего не может сказать! (Эх, Аркашка, не говори красиво!)...

... О Санкт-Петербургском Толкиновском Обществе, отцами (и матерями)-основателями которого являются Мария и Валера. Общество практически организовалось –

дело за официальной регистрацией. Цели и задачи его формулируются так:

- Изучение жизни и работ Дж.Р.Р. Толкина.

Изучение традиционной английской и европейской культуры, ее истоков и ее влияния на другие культуры.

- Сбор и распространение информации, издание литературы и периодики по указанным темам.

- Обеспечение экспертной оценки информации (в т.ч. и публикаций) по указанным темам.

- Создание и поддержание дружеских и информационных связей между любителями работ Толкина в России, между отечественными и зарубежными толкинистами.

- Оказание информационной, моральной и иной возможной поддержки исследователям и любителям творчества Дж.Р.Р. Толкина в их многообразной деятельности.

Хотите к нам? Если да, то главное условие принятия в ряды Вами уже выполнено (условием было прислать интересное письмо). Теперь нужна только официальная заявка с короткой «легендой». Всяческая атрибутика уже в разработке. Если есть предложения – пишите (лучше пока на мой адрес, поскольку Маша и Валера до середины февраля отбывают в Англию. Оттуда они обещают привезти много-много всякой литературы, предназначенной к переводу, вот тогда-то и начнется деятельность Общества в полном соответствии с целями и задачами)...

... Звезд на небе сейчас нет, потому как день. Но это же не значит, что их нет вовсе, «И мы плывем, пылающе бездной со всех сторон окружены» (1). «О пыль миров! О рой священных пчел! / Я изследил, измерил, взвесил, счел, / Дал имена, составил карты, сметы... / Но ужас звезд от знания не потух» (2), и «если звезды зажигают – значит, это кому-то нужно». Думаю, если так, то Варда присмотрит за той самой звездочкой, что осияла нашу встречу...

(1) Цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как океан объемлет шар земной...».

(2) Цитата из венка сонетов М.А. Волошина «Corona Astralis».

08.02.1995

Добрый вечер, леди Мария!

Добрый вечер, потому что «жемчужина небесной тишины на звездном дне овьюженной лагуны»– Луна вышла, «к нам обратив тоски своей лицо» (1)...

... О новостях: в отсутствии М. и В. Каменковичей собрания Толкиновского Общества пока не проводились, но в королевской голове Торина Оукеншильда (2) и некоролевской голове Эрандила созрел план проведения некоей конференции по книгам Профессора, т.е. все будут сочинять доклады, призывая духа исследований. ...Чем мы хуже Английского или многочисленных американских толкиновских обществ?...

- (1) Строки из венка сонетов М.А. Волошина «Lunaria»
- (2) Торин Оукеншильд (Павел Парфентьев) – историк религии, общественный деятель, один из первых членов Толкиновского Общества.

26.03.1995

... Впереди Большой Толкиновский семинар (это и есть та «конференция»). Пройдет он не в конце марта, – это я наврал, простите великодушно, – а 30 апреля в 12.00 в Санкт-Петербурге в Клубе технического университета...

На семинаре состоится знакомство максимально возможного числа толкинистов между собой, «презентация» (не люблю это слово, но здесь оно в кавычках) Толкиновского общества и произнесение желающими докладов по жизни и творчеству Профессора. Любой желающий может подать заявку, где указана будет тема доклада, примерная его временная продолжительность и краткий план (или аннотация). Лучше, конечно, написать и текст доклада – история должна быть отражена в документах... Вот темы уже заявленные (некоторые из них, конечно): «Соотношение fantas'ийного и реального времени. Исторические реалии во В[ластелине].К[ольце].», «Околотолкиновская литература в компьютерных сетях», «“Властелин Кольца” в свете современной психологии», «Old Forest – второй Фангорн?» и так далее, тема может быть любой... Еще раз повторяю и опять прошу Вас: не обходите Семинар стороной, это первое серьезное толкиноведческое собрание в России. Примут в нем участие и Маша и Валера Каменковичи, и Сергей Степанов (1), и представители ролевого движения, и «Другая Реальность» и «Сорока» (среди пишущих туда немало интересных и думающих людей) (2), и, возможно, гости из Москвы. Если есть вопросы – пишите, на оргвопросы отвечу немедленно, ибо сам занимаюсь подготовкой семинара. Стечение народа (или народов) ожидается, но не бойтесь большой аудитории – ведь свои же люди (и не только Люди)!

... Что до «легенды», то, как правило, у всех есть свое среднеземское имя, а существительные, как любил говорить Профессор, всегда любят обрастать всякими «историями» (и, добавлю от себя, еще и «феньками») или «квэнтами». Если у Вас есть такая «квэнта» и она не секретная, то интересно было бы ее услышать. (У меня есть имя на Синдарине, хотя я остался представителем расы Людей, но по некоторым соображениям пока не хочу его открывать)...

Серебряный век (всех стран и искусств) – те белые эльфийские башни, что виднелись на западных холмах от границы Хоббитании (пусть пока так – слов «Шир» на русском языке имеет ненужные ассоциации: «ширина», «ширяться» или того хуже), прекрасные и недостижимые, но вечно живые, как Эльфы. Ведь Эльфы – это Аристократия Науки, Эстетики и Творчества ради них самих, а Серебряный век, по-моему, как раз и определяется этими четырьмя словами «for their own sake». Не выделяю особенно каких-то поэтов – все они мне дороги – от Мережковского и Соловьева до Маяковского, Арсения Тарковского, Пастернака и Набокова. Серебряный век – единое культурное пространство конца XIX – середины XX веков (в России, по крайней мере), почти уничтоженное в советское время. Но под каждой

строкой Максимилиана Волошина и Льва Гумилева готов подписаться сам – пусть и они в чем-то неправы...

- (1) Сергей Степанов – член Толкиновского Общества, поэт, переводчик, переводивший «Хоббита» совместно с М. Каменкович.
- (2) «Сорока» – молодежная петербургская газета в 1990е годы, основную часть содержания которой составляли материалы самих ее читателей (стихи, рассказы, статьи), а наиболее необычной и привлекательной чертой было общение на ее страницах при помощи бесплатных объявлений. «Другая Реальность» – рубрика в «Сороке», посвященная фантастике и фэнтези, которую вели Торин и Эрандил.

25.04.1995

Еще раз здравствуйте, сударыня Мария!

Так уж получилось, что не успел я отправить написанное сегодня же Вам письмо, как, придя домой поздно вечером, обнаружил в ящике Ваше послание от 20.04. На всякий случай я конверты пронумеровал в хронологическом порядке: №1 – то, что писано днем на работе; №2 – то, что ночью и дома. №1 – в ответ на Ваше от 12.04, №2 – на то, что от 20.04. Не смейтесь: это не разгильдяйство и даже не бессистемность; это – закон возрастания энтропии – как ни наводи порядок, а все равно не поймешь, что где валяется и когда все это кончится (надеюсь, не скоро).

Про «злоупотребление моим великодушием» еще раз скажу: во-первых, великодушие мне обходится дешевле; во вторых, я же занимаюсь организацией семинара и прочими делами «толкинизма» ради своего личного корыстного удовольствия, и чем больше будет на семинаре народу, и чем разнообразнее и интереснее будут доклады, тем мне же и приятнее...

Величина зала – вещь неизбежная: а как же еще можно собрать и познакомить максимальное число толкинистов Питера и Ленинградской губернии? К тому же, такие «съезды», видимо, не будут слишком часты, а заявить о себе надо (о себе – это об Обществе, о толкинистах вообще и об их истинных намерениях и проблемах, их интересующих). Ведь, ей же ей, неприятно (хотя мне это не мешает), когда Толкина приравнивают по значимости для мировой литературы к Роджеру Желязны или Агнии Барто, а толкинистов считают чокнутыми, которые бегают с деревянными мечами, вместо того чтобы учиться и работать, либо людьми с комплексом неполноценности, придумавшими себе иллюзию жизни и, в конечном счете, опять же чокнувшихся.

Мы-то знаем, что «чокнувшимися» можно тогда считать всех, кого интересует еще что-нибудь, кроме того, что можно пощупать руками. И вообще, «горит на небе новая звезда, // зажгли ее, конечно, хулиганы» (1). Задача, естественно, не состоит в поголовной «толкинизации» населения, а состоит она, во-первых, в доставлении удовольствия себе (некий «пир духа» после долгого для многих относительного одиночества и интеллектуального голода); во-вторых, в привлечении внимания питерской (и не только питерской) интеллигенции к нашей деятельности и декларация проявления массового интереса к творчеству Толкина как явления духовной сферы жизни по крайней мере города, а в частности молодежи города, явления, при этом, положительного и небесплодного. В-третьих, все то, что сказано во-первых

и во-вторых.

Извините, что выражаюсь очень по-канцелярски, но, увы, воспитывался по части выражения мыслей такого рода я в самые застойные и перестроечные года (и оказался, слава богу, не лучшим воспитанником), поэтому сначала на ум приходит не то, что идет от сердца, а именно канцеляризм и штампы...

(1) Цитата из стихотворения В. Гафта «Хулиган».

04.08.1995

...Простите великодушно мою безответственность (точнее, безответность)! Даже если «молчание – золото», то «слово – серебро», тем не менее, а серебро мне почему-то гораздо милее «желтого металла», да и про «серебро Господа моего» забывать не следует!

Действительно, долгонько я вам не отвечал, и сие превеликой жалости достойно, но, как есть я верный рыцарь (правда, не «сэр» – как у Мэлори, ну да не в титуле дело), то долг мой поведать Вам как благородной девице (и прекрасной даме) о тех удивительнейших приключениях, что довелось мне за отчетный период испытать (explicit вступление с многочисленными заимствованиями из того же материала – из Мэлори).

Дело в том, что почти сразу, как «с сокрушительным успехом» (резюме Валара Оромэ (1)) отгремел наш Семинар, у меня и начались эти приключения, никоим образом с толкинистикой (не нравится мне это слово, а другого никак не подберу: «толкинизм» – это что-то про бродячий (-щий) призрак, «толкиниана» – это что-то наподобие «Семирамида» или «Мирандолина», «толкинея» – это перумитам для их ругательного лексикона, хорошо, что сами они этот термин не открыли) не связанные. Сначала я сменил место работы – теперь я опять-таки инженер, но уже не в милитаристского направления (НПО «Аврора», подводные ракетноносцы и борьба за их живучесть) конторе, а в учреждении сугубо гражданском – СКБ «Искра», где занимаются контрольно-кассовыми аппаратами... А параллельно подвернулась «левая» работа – с собачкой по ночам и по выходным раз в три дня охранять склад с различными бревнами, досками и фанерой... (вот и это письмо я пишу, сидя в домике охраны и наблюдая в окно, не питает ли кто чрезмерного любопытства к мертвой древесине).

Что же касается жизни и деятельности Толкиновского общества, то Каменковичи сразу после Семинара отбыли на Украину и лишь несколько дней назад возвратились. Без них мы собирались лишь однажды (июнь, у всех сессии, экзамены, каникулы, дачи и пр. летние осложнения мирно текущей жизни), а плоды этого собрания и (что в основном) моей и Торина Трейновича Эйкиншильда деятельности таковы:

1) «Другая реальность» выходила после Семинара дважды – в конце мая и 3 июля с отчетом о том самом Семинаре нашего (моего и Торина) авторства (2) и ругательным откликом Олмера (3) (с сохранением авторской пунктуации, жаль, не дали сохранить орфографию – «семинар» и т.п.) и пр. материалами. Впрочем, Олмер – яркий пример «оживания в образ» без понимания той простой истины (которую выразил очень доступно в романе «Маска» Кобо

Абэ), что надеть маску на лицо – это значит подчиниться маске, а тут уж игрушки кончаются. «Другую реальность» никто закрывать не собирается, мало того, никто не дает нам указаний, что там нам печатать, а что нет, но: у редакции нет интереса (и понимания) к теме рубрики (музыка, пусть плохая, но которую слушают, жития DJ-ев с коротковолновых станций, события «молодежной» культурной жизни, известные только авторам статей об этих событиях – это нужно, ибо газета «молодежная», а «Другая реальность» – это нечто заумное и страшно далекое от народа), а, соответственно, и предоставление газетной площади идет по «остаточному принципу»...

2) Да, мы вознамерились собрать в письменном виде все доклады с Семинара, да вот люди (эльфы, хоббиты и т.д.) или заняты или ленивы, ничего еще не прислали, но это объяснимо: для людей лень – двигатель прогресса: из-за лени возникли автомобили, станки, электрификация, связь, компьютеры и прочий хлам. Способствовало ли это прогрессу – вопрос спорный, но таковы люди. Хоббиты ленивы по определению. К эльфам и пр. я, пожалуй, несправедлив: «ленивый эльф» или «ленивый гном» – то же самое, что «электрический амфибрахий» или «лизинговый импрессионизм», но «факт на лице». Никаких сроков для присылки докладов нет, просто Маша Каменкович решила (и это, в общем, верно), что нам надо как-то предоставить сведения о первом в России ширококомасштабном неигровом толкиновском мероприятии на обозрение и суд международной общественности (преимущественно английской). Это не значит – не пугайтесь – что все доклады будут переведены на английский и рассмотрены святейшей инквизицией с последующим сожжением (либо канонизацией) текста (а заодно и автора): просто мною и Торином будут подготовлены небольшая статья и более обширное резюме по итогам Семинара, Маша их отредактирует и переведет, передаст англичанам, а там видно будет, что они с этим сделают (4). Естественно, лучше иметь перед собой настоящий текст доклада, полный и отредактированный с учетом вопросов из зала, а не среднего качества магнитофонную запись. Кроме того, тексты докладов нужны для истории и для прочтения и анализа интересующимися, а также для успешного воплощения в жизнь еще одной задумки.

3) Каменковичи вроде бы нашли в Петербурге довольно дешевую типографию, где можно будет реализовать не прошедший в «Северо-Западе» проект издания журнала «Эарендил». Не представляю, кто осмелится сей проект финансировать, но от Толкиновского общества требуется подготовить макет. Компьютерщиков у нас хватает, компьютеры и хорошие принтеры тоже есть – дело за тем, чтобы «нáчать, а процесс пойдет». Спектр материалов для журнала предполагается весьма широкий – исследования, критика, переводы, качественная «отсебятина» – стихи, проза, иллюстрации, письма читателей...(5)

4) Радиопередачу записать собирались, собирались, да так пока и не собрались – уже вроде бы утвердили содержание (планировали записать сразу несколько передач), Торин взялся писать сценарий, да так по сю пору и пишет (а, скорее, не пишет)...

5) Сборище 30 апреля было наречено Семинаром, но в принципе являлось конференцией. Что же касается семинара, то мы его проведем в узких кругах где-нибудь в сентябре – там-то уровень докладов будет повыше и, соответственно, работа пойдет

интенсивнее и интереснее в режиме свободной подачи реплик, а не путем кропания записок. А тихвинцы (б) 19-го августа вознамерились провести конференцию («научно-практическую») по «Флоре и фауне Среднеземья». Будучи свидетелем тихвинских «докладов» на Семинаре, я не питаю особых надежд в отношении ценности таковой конференции, но съездить на природу Тихвин поглядеть на выходные – это можно, тем более приглашение мне персональное выслали, нехорошо отказываться.

Ну, хватит бюрократию разводить: оно, конечно, без нее нельзя, но иногда можно...

... О роли Голлума и Сарумана и символике их образов можно судить-рядить долго и умно, поэтому выскажу свои впечатления. Голлум вызывает жалость (именно жалость, а не сочувствие) и одновременно такое чувство брезгливости, что хочется вымыть руки и спрятать глаза. А спрятать глаза потому, что, как точно указала в своем докладе Татьяна Лазаревна Фиглин (Entwife), Голлум есть в каждом из нас, и мы его стыдимся, стараемся скрыть (или, вернее, скрыться от него – называйте это как угодно, пусть «тенью»), хотя, по моему, у К.Г. Юнга архетип «тени» – это дочеловеческое, «зверское» начало в человеке, больше всего проявляющееся в интуитивном невыразимом чувстве опасности отовсюду). Голлум, несомненно, ребенок (в смысле теории Э. Берна) – капризный, эгоистичный, себялюбивый, упрямый, все время требующий сладостей и игрушек и страшный, если захватывает власть в сознании, ибо безответственен. Но ни победить, ни убить его нельзя – это будет равносильно деяниям Родиона Раскольникова или Петра Верховенского, совершенным, что самое страшное, по отношению к себе самому, и компромисс заключать нельзя – «тень» разрастется, «ребенок» захватит власть. Выход один и на словах очень простой и примитивный: возлюби ближнего своего и любовью очистишь и, пройдя чистилище, обрящешь не блаженство, но то, чего ищут все, но при жизни никак не найдут: покой. А уж «маршрут любви» может быть самым неожиданным: Христос взошел на Голгофу, Александр Иванов написал «Явление Христа народу», Фродо совершил Quest, дойдя до огня Чистилища таким, как есть (вместе с «тенью»-Голлумом) и прошел огонь – Голлум падает в огонь с Кольцом-грехом. А когда произошло очищение от греха, остались мудрость, любовь и тоска: мудрость и любовь спасли Шир и воплотились в «Алой книге», тоска привела в Серую гавань, к отдыху и покою. (О «путях любви» повествуют также «Божественная комедия» и «Жертвоприношение» Тарковского). Параллель же «Голлум-Иуда» неправомерна из-за неправомерности параллели Фродо-Христос.

Саруман же пал не из-за чрезмерной белизны, а из-за того, что разъял белое «на вес и на число», стал «радужным», подверг сомнению и разрушению единый безначальный свет и попытался пересоздать Творение – и стал Морготом в миниатюре с той разницей, что Мелькор посягнул сразу на Вселенную, а Саруман начал с «пересоздания самого себя» (см. «Путями Каина» у М. Волошина). Белый же цвет не является альтернативой всем прочим, не является и поглощающим: поглощение и антитеза всем цветам – черный, а белый – это максимальное отражение. Цветом смерти белый становится, если в нем нет света, и такая символика белого встречается, Вы правы, часто: у Блока, у Мелвилла, у Эдгара По («Приключения Артура Гордона Пима»).

...Что же касается комментариев [к «Властелину Колец»], то Маша ко всем имеющим

уши обратилась с призывом писать комментарии свои и указать на какие-либо ошибки и недоработки в ее переводах и комментариях... Комментарии Маши и Валеры, на мой взгляд, хороши тем, что являются не просто набором сведений, но образуют систему, основанную на трудах великих православных философов и богословов. Нужно это все (комментарии и замечания) для подготовки второго издания перевода Каменковичей (таковое может быть, не скоро, конечно). Его величество Король Под Горой, например, уже ухитрился написать свои комментарии, они очень интересные, в основном посвящены отсылкам на библейские тексты и тексты различных эпосов (в основном «Беовульфа»), а также «Шахнамэ» (7). Я – невеликий знаток текстов: Эдды, «Беовульф», «Калевалу» я, конечно, читал, но вот времени для проведения кропотливого анализа нет, а всяческие историко-географические ассоциации – это мои домыслы и гипотезы, которые хороши для доклада, но не для комментариев. Кое-что, правда, я отыскал. Вот мои наблюдения вкратце:

1) о германском происхождении фамилии «Бэггинс» (встречался такой комментарий в «Хоббите»). Может, с языковой точки зрения это и верно, однако, помнится, Бэггинсы были родом древним и жили в Холме, и поля их и сады размещались на склонах Холма, а также любили они указывать на свое отличие от тех, кто живет на Реке. По сведениям же такого авторитета по истории средних веков, как А.Я. Гуревич, на холмах селились и возделывали свои поля на склонах холмов кельты, а германцы, когда явились в Британию, освоили под пашни долины рек, пользуясь тяжелым колесным плугом. Известно также, что кельты кичились перед германцами своей знатностью и культурой (как тут не вспомнить амбиции матушки мистера Бильбо!). Вот и получается, что если уж позволено искать в комментариях корни фамилии Бэггинсов («фамилия», т.е. семья), то они скорее кельтские;

2) мечи, точнее кинжалы, взятые хоббитами из курганов, имели форму длинного тростникового листа – типичное оружие кельтов гоэделической культуры;

3) камни на курганах: «...В память о знатных людях следовало насыпать курганы, а после смерти людей, отличившихся доблестью, нужно было ставить баумастейны [памятные камни], и этот обычай держался потом долгое время» (Хэймскрингла (8), Сага об Инглингах, Законодательство Одина).

Все это подчеркивает глубокую древность курганов и аллюзии на распад кельтских и англосаксонских королевств.

4) совершенно ясная аллюзия на Евангелие от Матфея, глава 5, стихи 33–37 (9) – о клятве, когда Гимли ведет спор с Элрондом о клятве;

5) сбор гондорского воинства для битвы на Пеленнорских полях – трудный, долгий и неудовлетворительный – напоминает описание сбора бургундского войска в «Песни о Нибелунгах» перед войной с саксами: тот же приход вассалов с дружинами, как на работу, по обязанности, а не по зову сердца (впрочем, почему «как»? – Рыцарям война за своего короля и была работой, они за это зарплату – бенефиции – получали)...

...Теперь следует сказать об имени моём. Эрандил – это вроде бы по-синдарински равно «эр» + «ра(э)н» + «ндил» = любитель странствовать в одиночестве, хотя Ваша расшифровка – «посвящённый Единому» – очень для меня лестна и симпатична. Поскольку

каждый всякий может назваться «любителем постранствовать», то полагается «легенда», и она такова.

...Об Эрандиле же говорят так. Был это человек известный в Эриадоре, много странствовавший в одиночку и с караванами, по суше и по морю. Не слыл он бродягой, но и не ведал никто доподлинно, где его жилище: говорили, где-то близ устья Брендивина. Кто же родители его, одинок ли он – того никто не знал.

Жил он тем, что, странствуя, передавал сообщения, что нельзя было доверять почте или караванщикам. Эрандилу же доверяли, но никогда он не уходил по пути поручения, напротив, поручения искали его. С виду не был он стар и умудрён, но столь много рассказывал о Древних Днях, будто был им свидетелем, многое также рассказывал он о Среднеземье такого, что можно было видеть лишь собственными глазами, и уйти на это должны были годы и годы.

Первые упоминания об Эрандиле относятся к началу Четвертой эпохи – он пришел в Тарбад, поднявшись вверх по Серострую. Тарбад был постепенно отстроен и стал бойким торговым перекрестком. Эрандил свёл знакомство с неким Гамилькаром Брюэром, державшим корчму. Брюэр имел некоторый гешёфт на торговле сведениями для купцов. Эрандил же доставил ему немало полезных советов, и вскоре тот стал владельцем частной почты и лавки, торгующей новостями. Сам Эрандил не получал с этого ничего, но пользовался покровительством Брюэра, а это значило многое в Эриадоре. Со временем скопились у Брюэра в немалом числе книги и иные занятные вещи и рукописи, привезённые Эрандилем из походов, и Брюэр смог доставлять из них судьям и чиновникам справки из истории и древнего права, что дало ему новые деньги и ещё добавило веса.

Так прошли десятилетия, а Эрандил всё являлся то там, то здесь в Эриадоре. Брюэр умер уже, и место его занял сын его, Эрандил же будто не старился.

Прошли века, а в гостевых книгах и семейных записях Бри, Тарбада и иных городов и селений Эриадора имя Эрандила нет-нет, да появлялось.

Ныне мудрые склонны считать, что Эрандил – просто нарицательное прозвище для тех, кому не давал покоя ветер странствий, нося их по Среднеземью туда-сюда. Людей таких было немного, но были таковые всегда, и известны были они многим в силу характера их деятельности, хотя зачастую скрывали подлинное своё имя и скрывались под именем легендарного своего предшественника.

Но существует и поверье, или легенда, что Эрандил – тот самый Любитель Странствовать В Одиночестве, пришедший в Среднеземье из другого времени, свободно ходящий по мирам и эпохам и живущий вечно, подобно Агасферу, но не по причине наложенного проклятия, а вдохновлённый и преображённый силой Тоски по Началу и Концу времён, ибо надеется увидеть вновь тогда ушедших на Заокраинный Запад Эльфов, которых знал, и ответить перед ними за некое Поручение, кое считает себя призванным выполнять на Земле.

Обоснованием столь романтической версии служат лишь немногие сохранившиеся дневники и стихи, приписываемые Эрандилу. Компьютерный анализ дает как наиболее вероятную версию принадлежность их единственному автору, жившему, впрочем, скорее

всего, не так давно...

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Валар Оромэ (Андрей Мартянов) – бывший член ТО СПб, писатель.

(2) Сага о Семинаре // Сорока. – Другая реальность, № 5. – 1995. – URL: <http://www.tolkien.spb.ru/s1.php>

(3) Опубликовано в «Другой Реальности» №6

(4) Замысел не был осуществлен.

(5) Выпуск журнала не состоялся.

(6) Тихвинцы – члены тихвинского клуба толкинистов «Хобби-Т-Клуб «Иди со мной»» (В. Каторгина, Н. Ровнякова *(в тексте статьи неправильно «Равникова»)*, Е. Утемова, Т. Шишова и др.), до этого участвовавшие в Первом Большом Толкиновском Семинаре (см. примечание 2).

(7) См. «Палантир» №№ 14 – 15. URL: <http://www.tolkien.spb.ru/comment.htm>

(8) «Хэймскрингла» («Круг Земной») – сборник саг, приписываемый исландскому скальду Снорри Стурлуссону (1178 – 1241).

(9) «33. Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.

34. А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;

35. ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;

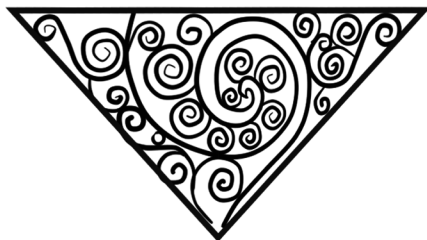
36. ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

37. Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого»

(Ср.: «...– Но пусть не клянется выстоять во тьме тот, кто еще никогда не видел ночи!

– Слово обета может укрепить колеблющегося, – не согласился Гимли.

– Или сломить его, – молвил Элронд» (глава «Кольцо отправляется на юг», пер. М. Каменкович и В. Каррика))

Отрывок из баллады о Берене и Лутиэнь

24.04.1995

... Ваши переводы мне понравились, особенно «Песенка Фродо». Вот небольшие и небогатые плоды моих усилий на ниве переводов — последние два восьмистишия из баллады о Берене и Лутиэнь, спетой Арагорном на Weathertop (я перевожу как Наветерь, от морского «weather» — наветренный, и помня про Амон-Сул, Гору Ветров). Остальная баллада — в процессе (мне не нравятся — по разным причинам — ни перевод Кистяковского, ни Григорьева и Грушецкой, ни Сергея Степанова).

Он поднял взор: в ее глазах
Под сумрачных волос фатой
Огонь, трепетавший в небесах,
Мерцал, зеркально отраженный.
Тинувиэль, чьей чистотой
Пребудет мудрость дев в веках
Влекла его волос волной
В плен рук, луной посеребрённых.

Их рок обрек стезе невзгод
Меж скал холодных и седых,
В железный зал, за мрачный свод,
В леса безвременных теней.
Моря разлук легли меж них —
Одна любовь для встречи брод
Нашла: удел покойный их
В краю без тягот и скорбей.

* Из письма к М. Семенихиной.

Мифопоэтическое пространство в литературе XX века

Оправдание темы

По географии в литературе, имеющей отношение к жанру фантастики, сказано и написано немало, и добавить, кажется, уже больше нечего, за двумя значительными исключениями.

Во-первых, необходимо учесть, что к изучению географии фантастического мира следует подходить не только с позиций географии физической, исторической, политической и пр., но и постоянно памятуя, что пространство фантастики – а география не может существовать как наука без более или менее четкого определения категории пространства (иначе непонятно, что именно изучать и как) – является пространством мифопоэтическим, то есть отличным от привычного для географии пространства физического.

С точки зрения современной физики пространство – это нечто абстрактное, отделенное от своего наполнения, буквально – одна из форм существования материи, характеризующаяся протяженностью и объемом. Все направления и части его равнозначны, да и сами понятия о каком-либо направлении и членении в таком пространстве относительны.

В восприятии же мифопоэтическом пространство является гармоническим равновесием соподчиненных частей и имеет эстетическую ценность, а потому доступно отражению в Слове.

Пространство противоположно не-пространству, космос противостоит хаосу как последующее – предначальному, мир – пустоте (вспомним, что, скажем, толкиновские Арду и Эа окружает Кума – Бездна, Пустота, Ничто). В то же время в центре пространства (а мифопоэтическое пространство имеет центр) всегда существует неосвоенный, не переработанный космосом очаг хаоса – источник конфликтов. Возьму на себя смелость утверждать, что в Среднеземье таковой локализуется как Ородруин. Вторым центром (и он обязательно присутствует в мифопоэтике), через который проходит ось мира, осуществляется связь мира горного с миром дольным, у Толкина, по крайней мере в Первую эпоху, является вершина Манвэ, Ойолоссэ.

Мифопоэтическое пространство неотделимо от предметов, его наполняющих, и от времени, в котором они пребывают, ибо и ценно оно их содержанием и взаимосвязями, меняющимися непрерывно. В связи с этим различны и разноценностны направления в пространстве и его части: Север – колдовской, демонический, Запад – обожествленный, духовный, но там же и вход в царство мертвых (Чертоги Мандоса, например), Восток – необъятный, таинственный, плодородный.

Пространству надлежит быть познанным, пройденным и освященным, для чего эпический, сказочный, литературный герой продельвает путь, – притом весьма окольный (Фродо тоже подходит к цели далеко не прямым путем) – не путешествие, но миссию, и каждый шаг его символичен (мост, пещера, ворота, перекресток, гора, лес, болото – всюду преодолевается некая граница между «своим» и «чужим», делается выбор между истинным и ложным) и неслучаен. Некий сакральный символ должен быть доставлен в центр пространства, дабы утвердить приятие мира перед Творцом, провозглашая объединение частей пространства одним телеологическим замыслом, восстановление на более высокой духовной ступени былого единства горного и дольного, признание жертвы Творца, ограничившего себя этим актом творения, путем Спасения Творения, переход (эвкатастрофу) от мира старого к миру Новому.

Вторая и не менее важная особенность состоит в том, что география мифопоэтического мира логична и неслучайна. Во многих книгах жанра fantasy мы сталкиваемся со следующей картиной: если гора – то вдвое выше Эвереста, если обрыв – 10 километров высотой и 10000 длиной, если пустыня – то в полпланеты, если болото – стократ ужаснее амазонской сельвы, если плоскогорье – непременно «затерянный мир», если архипелаг – то по площади превышающий Евразию и с такой изрезанной береговой линией, что в пору применять математику фракталов и т.д. Опять же, у Толкина такого нет, зато карта Среднеземья всем очень-очень что-то напоминает: Северо-Запад Среднеземья невелик – не больше Западной Европы, есть горы – вполне обычные, не выше 4000 м, река – большая, но не больше Дуная, лес – великий и таинственный, но вполне нейтральный, есть сады, степи, пустоши, города, пастбища и поля, дуга и холмы – все как на Земле. Только вот почему «как»? И где же такое на Земле? Ответу: не «как», а на Земле, поскольку и Среднеземье, и все другие мифопоэтические миры в начальном и конечном счете – наш мир; вымышлена (а скорее реконструирована) историческая эпоха. А значит и истоки построения мифопоэтических географий именно такими, какие они есть, следует искать на Земле.

Но системный подход – не просто красивое словосочетание: Толкин сам отмечал в письмах, что прямого переноса, кальки с поверхности Земли на Среднеземье нет. Источников географии мифопоэтического пространства всегда несколько, связаны они между собой оригинально, то есть в основе построения географической среды фантастического мира лежит не принцип суммы, а принцип системы.

Ощущение мифопоэтического пространства. Мифопоэтическое пространство в литературе XX века

И, тем не менее, все сказанное выше не дает четкого критерия для отличия мифопоэтического пространства как от пространства мифа, так и от пространства реального или, что будет правильнее, физического. Вряд ли найдется прозаическое художественное произведение, где нет ни единого слова, по наличию коего можно было бы ответить на вопрос «где?» Даже если нет ни единого топонима, всегда обнаружится что-нибудь вроде таких понятий, как «дом», «дорога», «улица», «комната», «диван», наконец. А уж если попытаться, хотя бы в воображении, подвинуть этот диван, он немедленно потянет за собой столько... Даже потянув за гораздо менее массивный предмет – колечко, Толкин извлек на свет сквозь круглую дверцу норы Бильбо Беггинса целое Среднеземье.

Но коль скоро пространство есть везде, то какое из всех этих пространств должно считать мифопоэтическим? Очевидно, что ему присущи некие атрибуты, которые и отличают его от иных. На мой взгляд, произведение, породившее мифопоэтическое пространство, должны характеризовать: а) фантастичность, б) историчность, в) мифология, г) поэтика, д) такая плотность информации о пространстве, что возникает явная потребность в графических средствах ее отображения, сиречь в карте.

О том, что считать фантастическим, говорено многократно. Толковые словари беспомощны, чтобы дать четкое определение. Засим обратимся к авторитету. В эссе «О волшебных сказках» в главе «Фантазия» Толкин выводит такое определение: фантазия, связанная непосредственно с фантастикой, есть вид рациональной деятельности, способность создавать образы не существующего в реальном (первичном) мире и придавать им при этом внутреннюю логичность реального, то есть порождать «вторичное творение» (sub-creation) и вселять «вторичную веру» в его существование. Определение сформулировано мною лично на основе изложенного Профессором и, конечно, длинновато, но иное мне показалось бы неполным, ибо речь идет о довольно сложном предмете.

Историчность понимается как определенная постановка авторской задачи. Автор прежде всего стремится поведать читателю историю, сиречь любое действие его героев обусловлено историческими закономерностями эпохи, в которой они живут. Пользуясь «Заметками на полях “Имени розы”» скажу: любое действие, совершенное героями, могло произойти только в том месте и в то время, о коем повествуется в произведении. Все прочие аспекты и толкования: моральные, аллегорические, анагогические – суть производные от прямого, сиречь исторического.

Мифопоэтика, в отличие от мифологии и поэтики, являет собой «чего-то особенного». Но и миф, и поэтика в ней присутствуют. Миф – это, как известно, древнее народное сказание о богах и героях, предел спрессованности времени и обобщения, когда время перестает быть временем: миф лежит вне времени. Взгляд изнутри мифа напоминает обозрение четырехмерной панорамы с вершины бесконечно высокой башни, когда пространство видно разом во все времена, им прожитые, как своего рода «коллективное бессознательное» народа. В одиночку на такую башню не влезть, посему мифопоэтика предполагает личностное творчество. Обращаясь, опять-таки, к Умберто Эко, мифопоэтика есть переосмысление истории, даже иронизирование над нею, но ирония эта серьезна: речь все равно идет об истории. Об Истории. Это игра ума, которая перестает быть игрой. Что до поэтики, то здесь можно обойтись и статьями ожеговского толкового словаря: поэтика (в третьем значении, правда) – поэтическая манера, свойственная данному поэту, направлению, эпохе. «Поэтическая» в данном случае происходит от слова «поэзия», под которым, опять же в данном случае, подразумевается его третье значение: красота и прелесть чего-нибудь, возбуждающие чувство очарования. То есть поэтика здесь – очарование, красота, прелесть отраженной в произведении эпохи, ее направлений и ее поэтов (то есть, говоря словами классика, тех, «кто прожил жизнь трагически»). Конечно, поэтика в том виде, как она представляется Автору, создателю «второй реальности».

И, наконец, о картах. Это, разумеется, мое субъективное ощущение, но, как показывает опыт общения с более-менее единомышленниками, не только мое. Уже было сказано о тех «шедеврах» fantasy,

кои ужасают своими географическими «реалиями». Так вот: для них карты не нужны. Это те миры, где автор, образно говоря, подвешивает в небесах зеленое Солнце (см. Дж.Р.Р. Толкин, «О волшебных сказках»), тем и ограничиваясь, не задаваясь трудом открыть для себя причины и следствия сего явления. Солнце от такого неуважения превращается в лампочку, и читателю хочется нажать кнопку выключателя и выйти из комнатки такого, с позволения сказать, «вторичного мира» на улицу. Напротив, вообразить Среднеземье или Белерианд без карты, прочитав «Властелин колец» и не поддаться искушению сравнить карты Среднеземья и Европы, по-моему, невозможно. Трудновато читать «Мастера и Маргариту», не располагая картой Москвы 30-х годов. Сложно следить за одиссеями «Улисса» без карты Дублина. Затруднительно продвигаться за героями «Чевенгура» – Копенкиным и Двановым – без карты в той части повествования, когда они совершают путешествие по России. К слову, именно эта часть романа Андрея Платонова исторична; бытование в Чевенгуре ближе к аллегории, к притче. Рассказчик «Кельтских сумерек» Йейте появляется то в том, то в другом уголке Ирландии, и отсмотреть круги его странствий по Зеленому Острову и его легендам весьма небезынтересно. Говардовская Хайбория также плохо ошутима без карты, и даже такое, казалось бы, небольшое по площади мифопоэтическое пространство, как монастырь в «Имени розы», требует подробного плана, кой Умберто Эко не преминул создать.

Разумеется, нет правил без исключений. Для Макондо Габриэля Гарсиа Маркеса и «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери карта не столь уж необходима, но тому существуют серьезные причины. Сто лет одиночества, прожитые Макондо и его обитателями, привели к тому, что каждый уголок городка стал знаком и памятен до отвращения. За каждым поворотом бил в лицо жестокий ветер, который и разрушил, в конце концов, городок: ветер-«натиск прошлого, от которого, ... уже никуда не денешься» (У. Эко, «Заметки на полях “Имени розы”») Даже старая слепая Урсула могла без большого затруднения дойти куда угодно и что угодно отыскать. У читателя исподволь возникает то же ощущение, и чем дальше, тем больше оно усиливается. Карта становится ненужной.

В марсианских хрониках речь идет о Марсе. Истории марсиан и землян пересекаются, сплетаются, наслаиваются одна на другую, проходят одна сквозь другую, перетекают одна в другую. Но Марс, как бы то ни было – новая, незнакомая, чужеродная местность. Книга называется «О скитаниях вечных и о Земле». Карта Земли, отдельных, близких переселенцам ее местечек – вместе с их историей и мифами – переселяется на поверхность Марса, и эти маленьки мифопоэтические пространства вытесняют пространство марсианской мифопоэтики либо растворяются в нем. Разумеется, со временем единая мифопоэтика Марса и Земли должна неизбежно возникнуть, но в эпоху, описанную Брэдбери, она лишь зарождается. Земляне еще не нашли на Марсе, а марсиане еще не выудили у переселенцев-землян колечка, подобного тому, что соединило «Хоббита» с «Властелином колец». Поэтика покуда витает в воздухе Марса и не вросла в его почву, чтобы создать необходимость карты как кода, связывающего образ и вещьественность.

О картах стоит сказать, что не каждое мифопоэтическое произведение, но подавляющее большинство оных нуждаются в карте; в то же время, произведения, лишь претендующие на роль «вторичного творения», вполне обходятся и без карты, хотя зачастую в изобилии оными снабжаются.

Авторское мифопоэтическое пространство. Роль писателя

Переходя от определения мифопоэтического пространства к его происхождению, к рассмотрению его как явления литературы, можно было бы распространить временные границы этого пространства вплоть до «Беовульфа» и Гомера, включить все наилучшее, созданное за века и тысячелетия развития художественной словесности, в рамки мифопоэтического пространства и творить в своем докладе – благо, материал более чем богатый – все, что душе моей угодно. Но делать этого я не стану. Напротив, душе моей такое вовсе не угодно, ибо сказать мало о многом значит не сказать ничего, поскольку говорить следует о чем-то общем, о том, что можно вынести за скобки. Сказать обо всей материи в целом мы можем только то, что она, безусловно, существует. То, что должно сопутствовать мифопоэтическому пространству, мной уже определено. Осталось показать, как это пространство наличествует в литературе XX века, и найти его границы.

Феномен авторского мифопоэтического пространства принадлежит XX веку, при этом возник он приблизительно в одно и то же время в литературах разных с точки зрения этнологии «Вселенных». Таким образом, мифопоэтическое пространство как явление наднационально и относится к истории развития литературы, а не к истории народов или производительных сил.

Литература века XIX, равно как и веков, истекших ранее, разумеется, послужила основой и источником для появления на свет нового представления о пространстве в литературном произведении. Эдгар По и Герман Мелвилл, Федор Михайлович Достоевский и Валерий Брюсов, Жюль Верн и Редьярд Киплинг вплотную подошли к началу той тропинки, что ведет в эльфийские холмы. Почти что в мире мифопоэтики живут Исмаил из «Моби Дика», и герой «Белых ночей», и Артур Гордон Пим. Но им всем – а точнее, не им, но авторам – недостает одного, но главнейшего компонента: «вторичной веры». И читатель-то готов поверить в ту «вторую реальность», что сотворил автор, да только сам автор вдруг сворачивает в сторону. Исмаила возвращают в Нантакет, утопив в море весь экипаж и оставив в морских пучинах загадку Белого Кита, молодой человек из Петербурга прячет свой город обратно в табакерку, а По и вовсе обрывает повествование на фигуре, что блее белого. Вероятно, для открытия верной тропки «в холмах зеленой стороны» нужен был человек, сведущий в географии мастерски, то есть профессионально. Сиречь ученый. Человек, который не просто прогуливается по мифопоэтическим тропкам, но знает, куда идти. И такие нашлись. И они были учеными: Джеймс Джойс, Уильям Батлер Йейтс, Джон Роналд Руэл Толкин. И Максимилиан Волошин – в России.

Россия, Англия и Ирландия – три несхожих меж собой мира: российский, западноевропейский и новокельтский (неологизм придуман мною лично, дабы отличать мир «Мабиногиона» от мира «Поминок по Финнегану»). Четыре несхожих жанра: роман-эпос, постмодернизм, циклы фольклорных очерков, стихи. Вероятно, причиной стала потребность в новом осознании предназначения и пути художников слова. Писатель и поэт теперь должен был стать не только очевидцем, рассказчиком, сопереживателем, наблюдателем, анализатором, ценителем, моралистом, воспитателем, толкователем – хотя и должен был оставаться и тем, и другим, и пятым. Но: на первый план выдвинулась роль писателя-структуралиста, умеющего найти цельность и смысл в хаосе разрозненных мыслей, идей, образов, событий, умеющего собрать из осколков чашу, организовать жизнь вокруг себя, первым пройти инициацию и стать проводником для других, дать времени своего героя, в конце концов. Иными словами, пользуясь научными терминами, выявить в окружающей действительности (куда включается и прошлое как источник настоящего) принцип системы; структурировать время человека, растерявшегося перед натиском интенсивности бытия (по Эриху Берну); добраться до организующих первооснов мышления – архетипов, дабы быть понятым многими; наконец, выстроить из всего открытого и найденного в изначальном хаосе космос, то есть... пространство. Все исходные методики к тому времени уже имелись, или ученые были близки к их обнаружению: математики изобрели системный анализ, психологи открыли архетипы; лингвисты, историки и археологи воссоздали немало из того, что, казалось бы, навсегда исчезло в пасти Хроноса. Количество неизбежно перерастало в качество, и в литературе этот переход также с необходимостью состоялся – где-то раньше, чем в других областях познания, где-то позже.

Мифопоэтическое пространство явилось мощным средством для того, чтобы решить поставленную таким образом задачу. Попытки решить ее иным путем (задача-то, разумеется, не нова) предпринимались, и это дало мировой литературе немало шедевров, но в них решения найдено не было. Решением, как всегда, были прописные истины, но важно то, каким образом об истине сказано. Как писал Толкин в письме Майклу Страйту («The Letters», стр. 233, письмо 181), «волшебная история обладает своим собственным способом отражения «истины», отличным от аллегории, или сатиры (сдержанной), или «реализма», и в чем-то более сильным». Век XX был веком греха, и время нового покаяния наступило, но старые молитвы были уже не годны. Греческое слово «μετανοείτε», переведенное в тексте Библии как «покайтесь», имеет другое значение: «передумывайте», то есть «переосмысливайте». Мифопоэтическое пространство явилось действенным методом переосмысления. Те из авторов, кто понял (пусть подсознательно, ибо мы не можем доподлинно знать, что думал Джойс, пища своего «Улисса», да и говорит писатель всегда больше, чем то, о чем намеревался сказать) это предназначение мифопоэтического пространства, создали вечные книги.

Стоит заметить, что, упомянув о наднациональном общем в мифопоэтическом пространстве, я никоим образом не хочу отрицать своеобразность данного пространства у каждого народа. Отсюда и различие в методах и средствах конструирования «вторых Вселенных». Впрочем, не меньше разнообразия привносит и личность автора. Итак, Толкин, воссоздавая утраченную мифологию Англии, избрал пассаизм как метод и, вместе с К.С.Льюисом и иными Инклингами, преуспел, возвратив утраченное мироощущение в беспокойный закат западноевропейского мира, пускай на какое-то ограниченное время. По крайней мере, из всех литературных героев только Гэндальфа, насколько мне ведомо, искренне хотели избрать в президенты США. (Гэндальфа, а не Леонардо ди Каприо, прошу заметить!)

Роберт Говард, сам того не ведая, дал Америке героя нашего (американского «нашего») времени, занявшись тем, что Толкин называл эскейпизмом (escapism) в хорошем смысле слова. Конан-варвар стал вечным героем отнюдь не по причине невежества и безвкусицы читающей публики (располагая всеми, казалось бы, атрибутами киммерийца, Джеймс Бонд все же не герой, а сыщик). Варварство Конана надо понимать как отказ от пошлости и цинизма, которые цивилизация накапливает точно так же, как и духовные и культурные ценности, как отказ от преклонения перед мощью метафизического зла, неведомого «варварам». Правда, и метафизическая благодать при этом тоже теряется, но примат душевных ценностей, негласно предлагаемый Говардом, выглядит совсем неплохо по сравнению с идеями фашизма (то бишь «вечного фашизма» по У. Эко), релятивизма и прочими престеластиями, кои предлагает нам цивилизация.

Джеймс Джойс предвосхитил – а писатель-конструктор должен уметь предвосхитить – изыскания Института головного мозга им. Бехтерева о том, что по сложности человеческий мозг равен Вселенной. Выражаясь лаконично, не вдаваясь в подробности теории математического моделирования и идентификации объектов, подобное познается с помощью подобного. Один день двух дублинцев, данный нам в их мыслях, открыл то самое Приключение (или инициацию, или самоидентификацию – как прикажете), которое многие ищут, да никак не могут обрести. А стоило внимательно прислушаться к себе, к тому самому пресловутому внутреннему миру, чтобы найти там то, ради чего стоит жить. Это «то» – благословенная Итака, родина в широчайшем смысле.

Другим стал Уильям Батлер Йейтс. Он, как и Джойс, как и Толкин, обратился за ответом к прошлому, но по-иному. Если Джойс познавал человека, скользя мыслью по дереву мысли же, представляющей собой, по сути, отсылки к прошлому и отсылки к отсылкам к прошлому, и еще более многоуровневые отсылки, а Толкин шел к Началу, экстраполируя древние языки и тексты в сторону еще большей древности, то Йейтс попытался его, прошлое, взятое в виде традиции, дешифровать. Странствуя «Кельтскими сумерками», собирая в полусветах угасающего костра древнего кельтского мира бусинки преданий и традиций, он соткал узор, и получилась роза о многих лепестках-scela'x. И пусть каждый путь-лепесток не приводил никуда, но вместе они выявили центр. Если все сущее и осквернено черной ржой порока и греха, то там, в центре, куда не добрался никто, в пустоте, не опороченной никем, и обитает Бог. Но пустота эта сияет, и нет в ней никаких львов.

Тем же путем, в принципе, гораздо позже прошел Умберто Эко, только составными узора у него были не предания, а имена: имена книг в лабиринте, имена целых комнат и галерей с книгами, имена вещей и понятий, имена имен – знаки. И снова узор явил розу, имя которой сокрыто в центре, в пределе Африки, и гласит оно... Что оно гласит, не назовет никто, ибо до центра не добираются. Известно одно: львов там нет. А имя – оно не только в центре розы; оно есть сам пройденный автором, а след за ним и читателем, лабиринт и узор розы, равной самой себе. Зане имя есть информация, в узком смысле знак, скрывающий эту информацию, а полная информация о предмете равна самому предмету. В данном случае более универсального знака не найти, ибо роза является мифопоэтическим пространством, Универсумом. Универсум же, как с ним ни оперируй, есть такое множество, которое замкнется на себя: оно самодостаточно. Посему весьма глупо выглядит восставший народ, ворвавшийся на территорию монастыря в голливудской экранизации. Не только потому, что в те времена постановления инквизиции были неоспоримы, но и потому, что размыкание универсума монастыря ведет к обесмысливанию произведения.

Возвращаясь к Соединенным Штатам Америки, нельзя не возразить тем невеждам, кто упрекает эту страну в отсутствии духовности. Разумеется, весьма грустно, когда американец, если судить по известной миниатюре Михаила Жванецкого, вместо ответа на вопрос о том, Тихий перед нами океан или Атлантический, отсылает вас к географу. Полагаю, впрочем, что девять десятых случайно выбранных из людского потока на Невском граждан (на главной улице «культурной столицы России», прошу заметить) вряд ли припомнят хотя бы строчку из, скажем, Александра Блока. Зато курс доллара доложит любой ветеран Куликовской битвы. Америка – великая страна, и литература Америки – великая литература. Мифопоэтическое пространство, рожденное в Америке 40–60-х годов, уникально тем, что находится оно не в прошлом или настоящем, но в будущем. «Золотой век» американской научной фантастики дал миру имена Рэя Брэдбери, Клиффорда Саймака, Айзека Азимова. Подобно тому, как Толкин воссоздал утраченную Вселенную английского легендаризма, эти американские фантасты построили не существовавшую никогда мифологию США, ибо мифология североамериканских индейцев – это мифология индейцев, сиречь совершенно иного, уничтоженного мира. Создание мифологии Америки начал все тот же Роберт Говард, но, помимо героя-«варвара», научная фантастика дала Америке еще трех героев. Ошибка думать, что у времени есть один-единственный герой: обычно их несколько, а культура США достаточно нетривиальна и многообразна,

чтобы время этой страны имело нескольких героев. Так вот, у Говарда эти новые персонажи-герои появятся просто не могли, зане писатель ушел из жизни слишком рано. Эти персонажи – Ученый, Марсианин (в смысле инопланетянин вообще, но слово «марсианин», по-моему, здесь подойдет больше) и Робот. Иногда один книжный персонаж совмещает в себе какие-либо две из трех указанных ролей: не редкость, например, робот-ученый, или робот-марсианин, или марсианин-ученый. Только варвар не может совместить себя с кем-то иным – больно уж цельная натура, challenger, одним словом. «Марсианские хроники» Брэдбери, «Кольцо вокруг Солнца» Саймака и великая космическая сага Азимова – вот контуры американского мифа, которому, как это теперь видно, и не могло найтись иной временной ниши, кроме как в будущем. Поэзия многопланового пространства-Космоса как единого разумного организма, разум которого не заключен в кашеовом ларце, а заложен в природе самого этого пространства, поэзия странствий по этому Космосу-разуму является поэзией этого фантастического мифопоэтического пространства. Название одного из романов Клиффорда Саймака – «Все живое – трава» – это главная идея его. Всем живым являются и люди, и гоблины, и роботы, и марсиане, и звери, и трава, и камни, но при одном условии: признании за всеми остальными их гражданского права в этом едином доме-Космосе, признание прав и законов самого Космоса как телесного организма. Кстати, этика «варварства» Говарда подразумевает то же самое. Этот новый стоицизм, повитый идеями христианской любви, и вправду вряд ли мог быть донесен до сознания читателя иным способом, кроме как через мифопоэтическое пространство. В заключение сего длинного пассажа хочу заметить, что другие выдающиеся фантасты – ни Роберт Хайнлайн, ни Гарри Гаррисон, ни Роберт Шекли, ни Станислав Лем, ни Иван Ефремов – мифопоэтического пространства не создали, несмотря на идеи Великого кольца, Соляриса и «Дороги доблести» у Хайнлайна. Дело в том, что все эти идеи использовались не как собственно идеи, но как литературные приемы, как подпорки, как леммы для доказательства каких-то более глобальных теорем, а история и теорема – вещи все же разные. Мифопоэтическое пространство не доказывает ничего. Оно – пространство Истории и историй – само является полем (не в математическом, упаси боже, смысле слова) для построения любых теорем.

Коктебель и Париж Волошина, его венки сонетов «Corona Astralis» и «Lunaria» и, конечно же, – как итог – поэма «Путями Каина» (пусть и была она написана еще в 1915 году) составили первое в российской литературе пространство мифопоэтики. Поэзия Максимилиана Александровича Волошина, что называется, «программная». Каркас той структуры пространства-времени, которую создает поэт, виден в его стихах. От физического материала – камня, металла и стекла, при этом обязательно цветного витражного (по образованию Волошин – юрист, по профессии – инженер-путеец) – до этики, до мифа, при этом с непосредственной отсылкой к этому самому мифу, поэт тщательно выписывает картину-карту своего космоса (и не только в стихах, но и в живописи). Самым показательным примером в этом смысле является глава «Левифан» из «Путей Каина». Такое, что называется, обнажение приема следует из единственной проповедеваемой Волошиным морали: говорить правду прежде всего самому себе. Истоки этой правды лежат в бытии прошлого и настоящего, и правда эта сложна и труднопостижима, как Левифан.

Другой пример построения мифопоэтического пространства в российской словесности – роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Ведущий мотив Вселенной романа – мотив города. Город, как выясняется, живет даже не двойной, а тройной и еще более многоплановой и многослойной жизнью. Двойная жизнь у всех на виду: днем – парад на Красной площади, трудовые будни и ВДНХ; ночью – черный «воронка». Однако, как опять же выясняется, есть подспудная реальность, которая сильнее реальности черного «воронка». Эта реальность – реальность мифа, реальность подознания. Изгнанный из дневной и ночной жизни, миф не исчезает, но активно сопротивляется, как любой живой организм. И порождает столь странные фигуры, как Воланд, Коровьев, Азазелло и Бегемот. Все они, вроде бы, бесы. Но совсем иные бесы, нежели бесы Достоевского или Умберто Эко («Маятник Фуко»). Бесы Достоевского сидят в Кремле, а бесы Эко – в Рейхстаге. И занимаются тем, что кроют Историю под свой бесовский План, изыскивая в ней Заговор. Кто ищет, тот всегда найдет. Даже черную кошку в темной комнате, особенно, если ее там нет. Уж что-то, а это мы умеем! И разговоры находятся во множестве. И чадят печи Бухенвальда, и идут бесконечной чередой «последние вагоны на север». Разумеется, верховным бесам, да и мелким тоже, не по нраву тот, кто просто рассказывает истории, то есть Мастер. Он ведь нарушает план! «Третий Рим» стремится распыть Рассказчика так же, как Рим распыл Иешуа. Но любые бесы бессильны перед Историей. В образе Воланда и свиты являются в первопрестольную не Сатана со товарищи, – товарищи все в Кремле – а те хранители Истории, которые помнят еще времена Понтия Пилата, и еще более древние времена. Пусть они носят имена бесов и надевают шутовские личины, пусть устраивают дурацкий бал-карнавал – это та ирония, без которой нельзя понять красоты Истории. Без иронии История покажется дурной цепью

грехов, а от такого понимания и проистекает подлинное бесовство. В унынии – грех, потому и Иерусалим участвует вместе с Римом в казни Иешуа. Без иронии, часто выраженной в форме карнавала, не обходится, пожалуй, ни одно произведение мифопоэтики. Кот Бегемот и Фагот – не бесы Преисподней, но и не ангелы божьи. Михаил Булгаков, вольно или исподволь, избегает «слишком громкого хлопанья ангельских крыльев», о коем, как о недопустимом дурновкусии в пределах мифопоэтического пространства, писал в эссе «О волшебных сказках» Толкин (примерно в те же годы, когда создавался роман Булгакова). Они не ангелы, а потому не могут даровать Спасения, не могут (да и не вправе), несмотря на всю колдовскую мощь свою, вытряхнуть из Москвы черную нечисть. Но даровать Покой они в силах. И даруют – и Мастеру, и Понтию Пилату – просто за то, что тот не был зол к Иешуа и выслушал его. И передал выслушанное потомкам. От кого, как не от Пилата (в интерпретации Булгакова), узнали мы о том, что произошло в его дворце? Не от Марка Крысобоя же? К слову, и в Валиноре герои Толкина обретают отнюдь не Спасение, но Покой. Итак, кто же такие Воланд и Ко? Они пришли из мифа, «вторичной реальности», потому и не ангелы. Но и не бесы, как уже говорилось, несмотря на прекрасный и грозный финал, где звучит стук копыт коней всадников Апокалипсиса. И даже не бесенята. Они с той самой тропы, что «в холмах зеленой стороны», коя свидетельствует о наличии мифопоэтического пространства. Они, конечно, не толкиновские эльфы – заявлять такое было бы смешно, однако вспомните, что говорил Толкин об эльфийском театре в том же эссе, и сравните это с представлением в цирке, данным Воландом. Через мифопоэтическое пространство Михаил Афанасьевич Булгаков ищет выход в годину бесовства, ищет способ говорить правду, ищет силу, способную противостоять бесам, ищет, наконец, свою Итаку – то есть Покой. И находит. А про Апокалипсис напомнить излишне, и в мифопоэтическом пространстве о нем помнят. Кстати, похоже мы находим у Рэя Брэдбери. В «451° по Фаренгейту» американский фантаст моделирует рождение новой мифологии, – из литературы – да и поступь Апокалипсиса звучит там не тише, чем в «Мастере и Маргарите».

Последний из писателей, чье творчество я рассмотрю в этом ряду, кой ряд мог быть гораздо длиннее, это Габриэль Гарсиа Маркес, как представитель литературного мира Латинской Америки, куда, как утверждают, потихоньку переместился центр мировой литературы. Вопрос о центре весьма спорный. Бесспорно творчество Маркеса. Огромная статья «Литература и миф» в «Мифологической энциклопедии» повествует, что Маркес использовал в своем романе «Сто лет одиночества» мотивы латиноамериканского фольклора. Что ж, это несомненно, но мотивы латиноамериканского фольклора использовал и Умберто Эко в «Маятнике Фуко», и еще много кто и где использовал. Однако почему-то именно Маркес и именно «Сто лет одиночества» стали своего рода «знаком качества» латиноамериканской литературы. Вроде бы ничего особенно фантастичного в романе нет, кроме последней сцены с ветром. Захолустная деревенька в джунглях разрастается до небольшого городка, а потом угасает и гибнет. Жители строят, ломают, любят, ненавидят, воюют, делают революцию и вообще борются за существование. Словом, все как всегда. «Обычные дела животных, но бог весть что...» Мало того, роман является во многих отношениях антиутопией – вот уж, казалось бы, антимир по отношению к мифопоэтическому пространству. Тем не менее, антиутопия Хаксли и антиутопия Маркеса, опять-таки, две большие разницы. Секрет, на мой взгляд, в том, что в большинстве антиутопий (включая антиутопии Стругацких) действуют люди-схемы (при всем художественном мастерстве авторов), люди-анекдоты, люди-характеры, люди-аллегории, одним словом. У Маркеса ни один персонаж не является персонажем-идеей, даже полковник Аурулиано Буэндиа или Ремедиос Прекрасная. Хотя, как и у Волошина, как и у Джойса, как у Толкина отсылки к первоисточникам у Маркеса достаточно прозрачны, роман не является пересказом ни одного из них. Макондо гибнет, гибнут все главные герои, смерть витает над каждой страницей книги, но роман притягателен, и притягателен вовсе не притяжением Бездны. Слово «очарование» может относиться, словами Толкина, «и к рассказанной истории, и к власти над людьми». В данном случае это притяжение пространства, созданного Маркесом; Макондо в нем лишь один из множества населенных пунктов, которые остались за рамкой картины (вспомним рассуждения Профессора о картине и рамке в его эссе). На примере Макондо колумбийский писатель, в отличие от Толкина, Джойса или Йейтса, указавших, где следует искать Итаку, предупреждает о том, где ее искать отнюдь не следует. В мифопоэтическом пространстве есть тропы, по которым ходить не надо. В таком случае без морального вывода не обойтись, и Маркес приводит его в самом последнем пассаже романа. И еще в названии, где мораль выражается в форме крылатого слова, как в «Демьяновой ухе». Вспомним, что с тех пор, как Хосе Аркадио Буэндиа прошел в сердце сельвы от моря, больше никто из жителей Макондо, кто остался в городке, не смог дойти обратно, даже полковник Аурулиано. Море – общепринятый символ забвения, в котором тонут призраки памяти. Забвение нужно, иначе эти призраки перерождаются в чудовищ. Макондо подобен библиотеке монастыря, превращенной Хорхе в безмерное хранилище памяти. И в

библиотеке бродят призраки и превращаются в чудовищ. Под собственной тяжестью память поколений обрушивается и погребает под собой своих накопителей. Храмина сгорает (и там не обходится без сильного ветра), а Макондо разрушает ураган. Забвение время от времени необходимо, ибо дает место для творчества, кое спасительно, ибо является признаком свободы воли. Сплошная память без забвения гибельна, ибо давит своей предопределенностью, сиречь обреченностью, и приводит к одиночеству как для личности, так и для сообщества. Память-догма страшится общения, замыкается в себе, поскольку всякое общение рождает критику, привносит Иное, отличное от догмы, а догма этому противится. В конце обреченности лежит апокалипсис; не апокалипсис-эвкатастрофа, но апокалипсис-гибель. «Каждый умрет той смертью, которую выберет сам», и гибель наступает Макондо. Город рушится не просто ураганом, а ураганом-смерчем, гигантской воронкой, уходящей в Бездну. Но вывод Маркеса оптимистический, сколь бы странным ни показалось такое заявление. «Тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества, не суждено появиться на земле дважды». Маркес, во всяком случае, против такого повторения, и те герои романа, кто сумел преодолеть это затягивающее в воронку призрачной памяти течение, сумел переосмыслить реальность, покинули город, как Альваро, Альфонсо, Герман и Габриэль. Но мифы, рожденные на благодатной некогда – сто лет назад – земле Макондо, остались с ними. С гибелью Макондо – Фаэтона Вселенной Маркеса – сама Вселенная не кончилась. Выходит, что Маркес опять-таки не сказал ничего нового. Но сказал (а, точнее, рассказал) он о старых истинах языком мифопоэтического пространства, а потому был понят.

Язык мифопоэтического пространства исключительно читабелен, несмотря на высокую, порой, сложность (у Джойса). Он вкусен, но не пресыщает, а напротив, разжигает аппетит. Он ускользает, как запах свежеспеченного хлеба, но успевает рассказать о многом, ибо слова его – архетипы. Возможно, со временем, и этот язык уйдет, дав место какому-то другому, как ушел язык Пушкина, а за ним язык «Серебряного века». Но на сегодняшний день именно этот язык созвучен времени. Произведения, о которых шла речь, а также многие иные, явились причинами, повлекшими за собою, как и следовало из их структуры, целую историю, которая получила свои направления развития.

Пути развития мифопоэтического пространства

На первый взгляд, мифопоэтическое пространство – мир довольно консервативный: еще бы, ведь трудно представить что-нибудь более массивное и неповоротливое, чем миф. Разумеется, каждый рассказчик привносит нечто свое, по-своему пересказывая миф, но суть от этого не меняется. Мифопоэтическое пространство обращено прежде всего к тем самым ценностям, кои непреходящи. Все верно, за одним исключением: текст подразумевает четыре способа толкования: моральное, аллегорическое, аналогическое и, наконец, прямое, о котором стали как-то забывать. Мифопоэтическое пространство – именно в силу своей консервативности – возвращает прямое толкование на прежнее его законное место – первое. Первое не в смысле важности, а в смысле первого, что приходит на ум. Как бы ни был настроен читатель видеть в произведении допреж всего мораль, аллегория или некие высшие, символические значения, ему необходимо прочесть это произведение, хотя бы просмотреть его, а это влечет за собой более или менее линейное продвижение по тексту, а значит и восприятие его прямого смысла. Разумеется, искушенный читатель, изучив 50, 40 или даже 5 процентов текста, иной раз может весьма точно определить, каков его моральный, аллегорический или символический смысл. Но с тем же успехом (а скорее, неуспехом) такой читатель пропустит нечто в ходе повествования, кое «нечто» может иметь совсем иной смысл или оттенки смысла, даже может поставить все вверх тормашками. Я уж не говорю о том, что наслаждение, удовольствие от самого текста (тот самый толкиновский *enjoy*) будет далеко не полным. Правда, текст бывает таков, что никакого удовольствия от его прочтения и прямой трактовки не возникает. Что ж, такой текст, по-моему, и во всех иных трактовках вряд ли обнаружит что-либо интересное и содержательное.

Но вернемся к пространству мифопоэтики. Коль скоро выявлено, что прямое понимание текста, рассказ сам по себе, есть главное волшебное средство (очарование от слова «чарь») такого пространства, то и развитие его должно идти в направлении совершенствования и усложнения структуры рассказа. Читательность отнюдь не синоним тупости текста, а «простой» для чтения текст создать куда сложнее, чем корявый. Если же текст кажется читателю нудным и неинтересным по причине того, что он не понимает сказанного по той причине, что видит много непонятных слов и отсылок, то здесь проявляется скорее недостаток читателя, нежели текста.

К слову, именно в сторону усложнения отсылок, аллюзий, в сторону включения в текст различных сохий и глосс, списков и документов развивается текст произведений, использующих мифопоэтическое

пространство. Даже текст, где вроде бы нет ни примечаний, ни комментариев («Сто лет одиночества», например), или самый читабельный текст (Толкин или Брэдбери) является целым большим глоссарием. (А первый шаг на этом пути, предвосхищая век XX, сделал Герман Мелвилл, приведя подробнейшие и весьма объемные сведения о китах и китобойном промысле: тогда это показалось всем ужасно странным.) Нечего и говорить о Волошине, Джойсе или Эко, которые и не стесняются открывать читательскому взору такие особенности своих текстов. Происходит превращение текста романа в своего рода сложную разветвленную базу данных, или гипертекст. В одной из «книг о книгах» 60-х годов издания я обнаружил примечательную таблицу, где сравнивались шаги прогресса в области развития транспортных средств и в области книгоиздания в широком смысле. Последний шаг в сфере транспорта был ознаменован межпланетной ракетой. Книгоиздание остановилось тогда на офсете и линолите, отставая от транспорта на два шага. Прошло всего лишь 20-30 лет, и уже можно сказать, что прогресс книгоиздания опередил прогресс транспортных средств. Вслед за линотипом и офсетом пришли, последовательно, компьютерная верстка, затем базы данных и, наконец, глобальные компьютерные сети с использованием рассредоточенных баз данных. К тому же можно прибавить колоссальный прогресс мультимедиа.

Но, строго говоря, компьютер уже вроде бы не является книгой. Не следует ли тогда из всего вышесказанного, что книга перестает быть книгой и стремится вскочить на подножку уходящего состава, уподобляясь компьютерной Вселенной?

Тот же вопрос был поставлен Умберто Эко на его лекции в Санкт-Петербурге во время визита писателя в Россию в мае 1998 года. Краткая магнитофонная запись этой лекции прозвучала по петербургскому радио. Эко, во-первых, не усматривает в массовой компьютеризации никакой опасности для образования. Напротив, для пользования компьютером в целях утилитарных или в целях познания надо, по меньшей мере, уметь читать инструкции, писать (набирать тексты) и вообще мыслить логически. Таким образом, компьютер возвращает нас к линейному чтению, знаку, а, следовательно, и книге. И это неплохо, поскольку дурной (в определенном смысле) альтернативой книге является не компьютер, но телевидение, то есть передача и подача сознанию готовых образов, не требующих ни работы мысли, ни тренировки памяти. (Именно телевидение, а не ЭВМ, было главной опасностью, по мнению Рэя Брэдбери.)

Во-вторых, говорит Эко, гипертекст (то есть моментальное соединение заметки с любой иной заметкой с использованием дополнительно мощи мультимедиа) лишь ставит проблему, но решить ее не способен. Первый аргумент писателя – о том, что книга – это наименее энергоемкий и наиболее стойкий и транспортабельный носитель информации (в отличие от гипертекста, требующего наличия компьютера, источника питания к нему и т.п. аксессуаров ЭВМ) – представляется мне верным лишь на сегодня. Не исключено, что завтра миру будут явлены сверхлегкие и сверхмощные батареи, сверхнадежные и сверхемкие ячейки памяти и беспроводные глобальные сети, и надобность в книге как в переплетенной стопке бумажных листов отпадет.

Но все дело в другом. Гипертекст является лишь средством, но не целью. И вправду, гипертекст позволяет создать множество книг и миров и варьировать любой текст как угодно, путешествуя по деревьям и лабиринтам ссылок и пользуясь в этом смысле неограниченной свободой. Однако все эти бесконечные переходы и блуждания не дают ответов, до которых все охочи и ради которых, собственно, и читаются тексты. Книга в понимании ее как текста тем и отличается от прочих разновидностей текстов, что являет собой не просто ссылку или справку, но единый законченный и ограниченный мир, сиречь упомянутый уже Универсум со своими законами необходимости, присутшими и «первичному» миру с его уроками жизни и смерти. Чем богаче содержательно будет этот космос книги, тем более ответов он даст, отсюда и тенденция к сближению текста и гипертекста.

В то же время задача, поставленная перед книгой-Универсумом, сама идея такой книги, требует придания этому содержанию некой привлекательной формы, способной, как некий каркас, поддержать в равновесии и гармонии всю массу информации, содержащейся в Универсуме. Эта форма подобна кристаллической решетке, которая не наблюдаема приборами непосредственно, но которая существует, тем не менее, ибо видна в своих проявлениях. Наиболее удачной формой для отображения пространства-времени явилось опять же пространство, но уже мифопоэтическое, о свойствах коего уже говорилось. Что до уроков жизни и смерти, то именно о них, по словам самого Толкина, и был написан «Властелин колец».

Ныне остается только отметить, что развитие текста-мифопоэтического пространства в сторону гипертекста будет продолжаться (в том числе и с использованием мультимедиа), что приведет к совершенствованию «вторичного творения», а значит и к усилению «вторичной веры». Вряд ли это приведет к массовой эмиграции в «виртуальную реальность», ибо книга – прежде всего источник информации, а уж

потом средство для бегства от действительности. Кроме того, текст, связанный законами необходимости, вряд ли сам по себе может научить отречению, уходу от реальности, пускай в нем использован иной язык, нежели язык обывателя (в дурном смысле слова). Я полагаю, что такая тенденция расширит круг читателей, способных лучше отыскивать, отбирать и обрабатывать информацию, то есть самим строить «вторичное творение», поскольку ни один читатель не может думать совершенно одинаково с автором и с другим читателем и идти теми же путями. Таким образом, дело может дойти до некой гипер-Вселенной, гипер-мифопоэтического пространства как некой общности людей и формы общения между людьми. Но речь об этом чуть впереди.

Путь в мифопоэтическом пространстве: лабиринт

Возникает вопрос: что же является путем, с помощью которого пространство осваивается, и с помощью которого же путешественник – герой произведения или автор – проходит свою инициацию? Этот путь – лабиринт. С одной стороны, пространство является материалом для пути, местом, куда этот путь можно длить; с другой стороны, путь собирает и организует пространство. Путь – это инициация, постижение неких тайн бытия и сознания, то есть изменение себя, получение знаний о себе самом, преодоление неизвестности и страха неизвестности. В сознании древнем этот путь представлял собой выполнение некоего ритуала, мистерии, посвящения. Человек моделировал путь бога или героя, а зачастую всего мироздания. В XX веке, когда ритуальность исчезла из мышления как организующая его модель, путь инициации, то есть поиска себя в мире и примирения с миром, стал путем догадок, сиречь рассуждений и сравнений. Для человека древности его душа была порождением мира внешнего и жила там, поэтому познание себя отождествлялось с познанием мира, и примирение с миром достигалось тождеством мир – человек.

С внедрением в человеческое сознание представления об абсолюте путь мистерии перестал удовлетворять требованиям самопознания, поскольку замысел абсолюта неисповедим и людям раскрыт неполно. Кроме того, этот замысел может меняться по воле абсолюта. Вследствие этого последним и определяющим тождеством самопознания должно было бы стать тождество человек – Бог. Однако о замыслах Бога можно только догадываться. Стало быть, путем инициации стала догадка, абстрактной моделью которой и является все тот же лабиринт.

Но лабиринт XX века уже не является копией лабиринта в Кносском дворце. Если лабиринт из мифа о Тезее сам по себе был сакральным сооружением и сакрализовал человека, его преодолевшего, то в XX веке лабиринт перенесся вовнутрь человека и уже потому сакральным не является. Эта несакральность и позволила человеку ничтоже сумняшеся приступить к исследованию этого лабиринта, его классифицированию и конструированию. Душа внутри человека – отражение в нем абсолюта. Так и сяк вставая перед этим зеркалом, человек видит многообразия своих отражений, и, соответственно, то та, то иная модель лабиринта представляется ему верной. Таким образом, модель лабиринта-себя претерпела в XX веке некоторую эволюцию структуры с течением времени.

Умберто Эко в «Заметках на полях “Имени розы”», определяет три типа лабиринтов: линейный лабиринт с сюрпризом-Минотавром, лабиринт-дерево и лабиринт-сеть. Являясь ученым-семиотиком и писателем, Эко представляет догадку как дешифровку некоего закодированного текста, в число коих текстов входят и тексты художественной литературы. Определение схемы лабиринта, заключенного в тексте – один из методов его дешифровки.

Линейный лабиринт с Минотавром где-то внутри предполагает, согласно мифу, поиск Минотавра и победу над ним, то есть победу над собственным страхом, и выход из лабиринта по нити Ариадны. «Входишь, добираешься до середины и из середины иди к выходу. Потому-то в середине и сидит Минотавр. Иначе пропал бы весь смак мероприятия. Это была бы обычная прогулка. Ужас берется (если берется) из неизвестности: неизвестно, куда ты угодишь и что выкинет Минотавр. Но на пороге классического лабиринта в твою ладонь сразу ложится нить Ариадны. Собственно, лабиринт – это и есть нить Ариадны».

Самое главное – не отклоняться от этой нити.

Таким образом, путь по линейному лабиринту, если развешивать этот лабиринт в пространстве души, спроецированной на географическую карту – это следующая стратегия выбора пути, а именно стратегия выбора этического. Топографический выбор равен выбору этическому. Это путь Фродо Бэггинса и вообще девяти Хранителей во «Властелине колец». Выбор пути ставится перед героями постоянно, и каждый раз он делается после поверки с той системой ценностей, что исповедуют герои, хотя на страницах

романа присутствуют вполне приземленные рассуждения о расстояниях, рельефе местности, транспортных средствах, погодных условиях и прочих технико-тактических характеристиках географической среды, а также моральные оценки (долг перед спутниками, хотя бы) того или иного выбора.

У Толкина этот выбор определяет именно традиция, при этом традиция как в понимании языческом, так и в христианском. Впрочем, линия преемственности, наследования Завета, в мире Толкина никогда не прерывалась, равно как не прерывалась и кровная нить родства людей и богов (у Толкина – майар). Отступать от традиции нельзя никому: ни сильному, ни слабому.

Фродо и его спутники отправляются в путь. Фродо несет кольцо. Символика кольца многозначна, но первая ассоциация – вина. Притом вина чужая. Кольцо было выковано за тысячи лет до рождения Фродо, при этом не хоббитом и даже не человеком, а эльфом. Если же следить далее вглубь веков, то вина эта восходит к самому первому грехопадению толкиновского мира – падению Мелькора. Гэндальф, беседа с Фродо (глава «Тень прошлого»), именно в этой беседе и выполняет, по сути, свою роль эмиссара (буквальный перевод английского слова, использованного Толкином в письмах), а Фродо именно в этой беседе и проходит весь свой путь, проходит инициацию – первую инициацию, инициацию Словом. Гэндальф переселяет в него всю историю Среднеземья от создания кольца до современности, а заодно и все огромное пространство мира, в котором живет хоббит. А вместе с этой историей и этим пространством Фродо приемлет и живущую в этой истории и пространстве вину. И принимает решение – о жертвоприношении. Христианский миф переплетается с языческим именно здесь – в жертвоприношении. Но если в язычестве это жертвоприношение обязательно и, в общем, довольно безболезненно, так как в итоге душа все равно соединится с богами, то в христианстве то, что будет после смерти, людям знать не дано (у Толкина – не дано знать, что лежит за Кругами Мира). Поэтому главная ценность и труднейшая жертва христианства – выбор. Фродо его делает самостоятельно.

Дальнейший путь Фродо – инициация делом. Верный данному слову, Фродо несколько раз совершает выбор пути в соответствии с той этической системой, верности которой он присягнул. Во-первых, это решение идти северным путем, через дом Элронда, а не южным и более безопасным – вдоль побережий и через Гондор. На этом пути делается еще несколько выборов: решение отправиться именно осенью (как Бильбо Бэггинс – традиция!), выбор спутников-хоббитов (и их собственный выбор: идти), путь через Старый Лес, где Фродо получает от Бомбадила знание о предыстории.

Путь Фродо – путь героя потому, что избирается всегда путь более трудный, но эти трудности на проверку оказываются не столько внешними, сколько внутренними. Фродо одерживает победу допрежь всего над чудищами, находящимися в нем самом. В отличие от героя античности, у которого не возникает сомнений в своем предназначении, Фродо всегда стоит перед выбором. Как и герой античности, преодолевая призраков в себе очередной участок пути, Фродо делает пройденную часть пространства включенной в Ойкумену. Рассеченное, разрозненное, покрытое тьмой страшное Среднеземье становится своим. В этом смысле путь Фродо – путь от центра к периферии, чужой и страшной, мешающей соединению с сакральным центром.

Во-вторых, решение Фродо о походе в дом Элронда, Ривенделл – это своего рода паломничество. Герои древности обращались к прорицателям, спускались в царство мертвых. Фродо дважды – в беседе с Гэндальфом и в Ривенделле – прибегает к совету с прошлым, а до этого Бильбо спускается в пещеры, где встречается с Голлумом – своей тенью. Если встреча Бильбо и Голлума – восстановление единства себя (Бильбо не убивает Голлума, хотя может это сделать, то есть не боится своего подсознательного и не отрещивается от вины, лежащей на хоббитах, ибо Голлум – хоббит), то беседа Фродо и Гэндальфа – своего рода встреча с прорицателем (Гэндальф – эмиссар валар). Путь в Ривенделл – уже именно паломничество. У Толкина тоже есть мотив зависти богов: судьба Турина Турамбара, к примеру. Главная причина этой зависти – несмирение. Фродо приходит в Ривенделл с открытым сердцем и получает благословение. Там он получает освобождение от главного соблазна владельцев кольца: оставить его у себя, стать властелином мира. За это боги карают – неважно, языческие ли или в религиях монотеистических. К слову, то же освобождение получают и Бильбо и Сэмуайз Гемги – они тоже побывали в Ривенделле.

Выбор происходит еще неоднократно. Гэндальф выбирает путь через пещеры Морин, хотя наверняка предвидит свою встречу с балрогом (еще один линейный лабиринт с Минотавром!). Гимли решается вступить в Лориэн (а эльфы – выпустить его). Фродо поворачивает к болотам Дагорлада – и так далее.

Самый последний выбор – главный Минотавр лабиринта, пройденного Фродо – ждет его над жерлом Ородруина. Этот Минотавр находится внутри Фродо. Это – он сам. И никогда бы не одолел Фродо это чудище, когда бы не двойное предыдущее примирение с самим собой: Бильбо и Голлума и Фродо и

Голлума. Пускай Голлум и пытается отобрать кольцо в свою пользу, но перекресток судьбы уже далеко позади: все предрешено, и, несмотря на личные планы Голлума и Фродо, кольцо падает в Ородруин. Миссию выполняет единое существо-хоббит. Хаос, заключенный в рамку космоса, поглощает самое страшное создание космоса – инструмент расчленения всей целостности и связности мира до небытия – и мир пересоздается.

Тем не менее, богами (или богом) зачитывается все. Чувство вины за последнее искушение, кое Фродо не смог преодолеть, тяготеет над ним. Поэтому в конце ему дается не вознесение, а успокоение. В этом, с одной стороны, отражение взглядов самого Толкина: ни до, ни после Христа повторить его путь невозможно. С другой стороны, здесь недостаточность лабиринта с Минотавром как способа самопознания: неуклонное следование нити Ариадны и даже победа над Минотавром – это все же потеря части самого себя. Фродо пришлось – пусть не по собственному почину – лишиться своей тени, того древнего подсознательного, что было в нем. Фродо (человек) получил просветление – но не самоцельность. Отсюда его последующая тоска, болезни.

Во всем отряде Фродо совершил главный подвиг – подвиг духа, подвиг притягивания мира. За это ему дано было узреть мир первозданный – Валинор. Это вторая ипостась пути Фродо: путь от периферии к центру. Ось мира Толкина проходит через Ойолоссэ – главный храм, вершину Манвэ, которую Фродо будет дано увидеть. Ради этого стоило принести себя в жертву.

Однако ответа на вопрос о том, каково место человека в мире, роман не дает: Минотавра надо либо убить, либо быть поглощенным им. И в том, и в другом случае душа остается неполной. Путь по нити Ариадны – сиречь путь веры в веке XX – путь самоотречения. Он истинный своей абсурдностью, не завершен. Он оправдывает существование Космоса и себя в Космосе, но не себя в самом себе.

Минотавр – это на самом деле лишь выход из лабиринта с Минотавром. И вот почему: встреча с Минотавром – это подлинный конец пути по такому лабиринту. Далее следует лишь возвращение (если следует). Именно здесь, в конце, мифопоэтическая реальность и реальность первичная соприкасаются неизбежно. Есть и другие врата и лазейки, но уж такое место (и время) этот Конец, что его не избежать: «... это рискованное предприятие. Феерия – страна, полная опасностей. Неосторожных ждут здесь западни...», – предупреждает Толкин. Предупреждает, к слову, в самых первых строках своего эссе «О волшебных сказках»: конца не надо ждать, но помнить о нем не вредно. В конце всегда происходит подведение итогов, которое связано неизбежно со смертью и с выбором. На сей раз не с выбором пути, – это надо было делать раньше – а с высшим выбором – судом. Но не стоит ожидать там, на ветреном перекрестке миров, встречи с дюжиной присяжных и благообразным судьей в парике. И бесполезно звать адвоката. На этом перекрестке нас ожидает чудище (Минотавр).

Именно чудище, а не чудовище. Значения этих слов трактуются словарем одинаково, за одним большим исключением: у слова «чудовище» есть третий смысл – человек-изувер. У слова «чудище» оного нет. Для настоящего доклада как раз это и важно. Чудище – это порождение не Бога и не дьявола, это порождение того самого стыка миров. В чудище есть частички от всех миров: от стихий (слово «хтонический» я не люблю) – как у дракона; от Творца – как у волошинского Левиафана; от дьявола, как у того же дракона или Воланда; от неких сил-архонтов – как у маркесовского ветра; и от человека, конечно – как у Хорхе Бургосского; и от Космоса, и от Хаоса. Но есть что-то иное, чего нет ни у какого из всех этих миров. Это и делает чудище чудищем, сиречь чем-то абсолютно полярным человеку и Богу, который – иной раз и телом, но обязательно душой – антропоморфен. Чудище непонятно, не-человечно. Оно и доброе (в смысле, благое, как весь тварный мир) и злое, и не-доброе и не-злое тут же. Именно с противником такого порядка и должно встретиться тому, кто прошел по мифопоэтическому пространству путем инициации.

Новых тем в литературе нет. И последняя встреча с чудищем – повторение вечной и единственной темы о величии и малости человека, в данном случае человека-героя произведения. «Он человек, и это достоящая трагедия для него и для многих других», – пишет Толкин в своей статье «Чудища и критики» (J.R.R. Tolkien, “The Monsters & the Critics and Other Essays”, изд. HarperCollins Publishers, стр.18). И эта мысль «смертоносна и неотвратима» (там же, стр. 19). Как бы ни был велик человек, сколь бы ни дарила его судьба, но его смертный час неотвратим. Но противник его в этот час должен быть достойным той жизни, что человек прожил. Эта встреча не всегда означает физическую гибель (хотя частенько бывает и так). Скорее это Смерть как черта на границе с инобытием. Чудище – это еще и страж на сей границе, своего рода Цербер. Борьба с чудищем безнадежна, но свет, отблеск надежды впереди виден всегда, ибо он последует, хотя сейчас последний суд отложен. «Здесь мельком видится космическое и приводит к мысли о роке всех людских жизней и усилий; это среди, но и выше мелких войн королей и превосходит даты и границы исторических эпох...» (там же, стр. 33). Встреча с чудищем является своего рода чистилищем, где перед героем ставится

последний вопрос. Если герой тверд и искренен в своем решении, то ему открываются некие новые горизонты, дается прозрение. Но в этом прозрении много печали, ибо истин Экклезиаста еще никто не отменил. Рассмотрим примеры. Фродо прошел чистилище не однажды, но последним чудищем на его пути стал Ородруин – жерло меж Космосом и Хаосом, как отмечалось в начале статьи. Кольцо нашло свой конец, а для Фродо открылся Валинор с его эльфийскими печальями. Мастеру, Маргарите, Понтию Пилату были даны покой и отдохновение, но вряд ли счастье. Они воочию узрели кромку грядущего Апокалипсиса и всадников его, и седьмая печать легла на их души. Вильгельм Баскервильский теряет книгу, библиотека горит, но именно в последнем поединке с Хорхе он формулирует и восстанавливает содержание второй части «Поэтики». Но это не дает ему счастья: лишь успокоение, ибо загадка решена. Песня-река несет Йейтса в последнем рассказе «Кельтских сумерек» – «У обочины дороги» – куда-то к корням Дерев Познания и Жизни, но лишь вдоль ограды Рая. Даже в оптимистических, в общем, финалах произведений Клиффорда Саймака всегда есть грусть расставания. Особенно пронзительно она звучит в окончании «Заповедника гоблинов»: улетающий дракон (опять дракон!) и уходящая вместе с ним Прошлая Вселенная и Хрустальная планета. Единственный, о чьей судьбе мы толком ничего не знаем, это Конан-варвар. Что ж, весьма вероятно, что киммериец в конце пути вышел на чудище, сравнимое в древности, мощи, архаичности и мудрости с драконом «Беовульфа». Весьма вероятно также, что Конан выдержал бой не хуже легендарного героя англосаксонской поэмы. И все же самым впечатляющим чудищем, несмотря на то, что в произведении не создано мифопоэтическое пространство, является Белый Кит Германа Мелвилла (а вспомним еще о кракене, которого видит Исмаил в морских пучинах!). Белый Кит, видимо, так и останется самым идеальным чудищем мировой литературы, и вряд ли кто сумеет его изловить. Ни один критик даже близко не подошел к загадке Моби Дика, но стоит ли отгадывать эту загадку? Чудище столь же универсально, как и Универсум, оно всегда артефактно. В том его своеобразное очарование и значение.

«Существует еще лабиринт маньеристический. В плане это что-то вроде дерева – корни, крона. Разветвленные коридоры со множеством тупиков. Выход один. Но как его найти? Ариаднина нить нужна и тут. Такой лабиринт – модель trial-and-error process».

Пример такого пути в чистом виде дает прежде всего Джеймс Джойс. Конечно, его роман – роман-странствие, путешествие сознания, но, в отличие от одиссеи Гомера, этот путь не есть путь по воле богов. В отличие от пути Хранителей, это и не путь по нити Ариадны, хотя бы потому, что цель пути неясна. Это свободное плавание. И сам процесс принятия решений – это именно путь погружения в себя, поиска решений внутри, а не вне. Путь в лабиринте не по «правилу левой руки», а по некому внутреннему компасу, который следует поверять с какой-то внутренней картой. В романе японского писателя Кобо Абэ «Сожженная карта» герой пытается эту карту уничтожить, жить с чистого листа. Джойс, напротив, старательно перелистывает свой атлас, стремясь не к выходу из лабиринта, а, скорее, ко входу в него. Происходит поиск человека изначального, а для этого данные одних карт сопоставляются с другими, более древними. Прослеживая, таким образом, сразу и пространство и время (хронотоп), автор и герои пытаются достичь самой первой карты, изначальности.

Самой древней картой, имевшейся в распоряжении Джойса и его героев, оказалась карта путешествия Одиссея. Поэтому, сколько мыслью по дереву мысли же, представляющей собой, по сути, отсылки к прошлому и отсылки к отсылкам к прошлому, и еще более многоуровневые отсылки, Стивен и Блум в конце концов добираются до гомеровских временных глубин и возвращаются назад, в Дублин. Жизнь Дублина словно бы просеивается через сито сознания героев, а затем склеивается заново, так же, как герои Милорада Павича – Кирилл и Мефодий – создают славянскую письменность: разбивают горшок, стоящий за решеткой, сквозь решетку вынимают черепки, а затем склеивают их в новый горшок, становящийся своим. Путь странствия героев Джойса – освоение пространства жизни, примирение его с тем, что есть в них самих – и неважно, откуда это пришло.

Странствие Одиссея – самый древний подробный рассказ о путешествии, бытующий в сознании Стивена и Блума, потому неизбежны попытки отождествления своих странствий – душевных – с примерами из «Одиссеи» и путь проб и ошибок – объяснения этих соответствий. Этот путь – и есть проверка компаса, исчисление погрешностей. Задача – найти свой берег, Итаку. То есть, свое место и себя самого – через опыт странствия. Естественно, что древность никогда не становится тождественна современности. Мало того, эпизоды романа Джойса скорее напоминают средневековые ирландские имрам – повести о морских странствиях с посещением множества разнообразных островов и возвращением домой, нежели путь царя Итаки (да и никакой Трои Блум не брал!). Тем не менее, важно не внешнее сходство, а то, что все решения на пути предпринимаются путем, во-первых, логических рассуждений (не случайно в конце главы «Итака»

Джойс ставит символ – «что и требовалось доказать»), во-вторых, с привлечением для доказательства различных аксиом и лемм из мифов – греческих и кельтских. И христианских, разумеется. Именно христианских мифов, а не Библии, поскольку Стивен из церкви ушел, а Блум – и вовсе еврей.

Роман «Улисс» – еще и роман-толкование. Толкование своей жизни как доказательства некоей теоремы о сущности человека. Вот два примера удачного и не слишком использования гомеровских аллюзий для обоснования поступков героев.

Третий эпизод, названный Джойсом «Протей». 11 часов утра. Стивен, вернувшись из Долки в Дублин, проводит на берегу моря время до назначенной в 12.30 встречи с Маллиганом. На встречу он, в конце концов не пойдет; у него крепнет сознание разрыва с Маллиганом и конца жизни в башне.

Эпизоду сопоставляется песнь IV, 384–570, встреча Телемака с Протеем, мифическим существом, способным бесконечно менять свой облик. Верней всего, Протей – это собственный разум Стивена, человеческий интеллект, изощренный и многообразный, виртуально бесконечный. Джойс также указывает, что прообраз Кевина Игена – Менелай. В реальности же прообразом Кевина являлся Джозеф Кейси – фений и парижский эмигрант. Визит Стивена к Игену уподобляется – и весьма успешно – визиту Телемака к Менелаяу. И Менелай, и Иген повествуют своим собеседникам о судьбах своих соратников-воинов: Менелай – об ахейских царях, Иген – о фениях. Другое дело, что Стивен-то относится к речам Игена в большей степени с иронией, особенно по прошествии времени, а Протей-разум Стивена неуловим – для Маллигана.

Гомеров план эпизода десятого – «Блуждающие скаль» – и вовсе не является гомеровым, настолько он хрупок. Цирцея лишь рассказывает Одиссею о Симплегадах (XII, 59–73), а выбирает он дорогу через Сциллу и Харибду. Симплегадам уподобляются Джойсом группы дублинцев – но их не две, а девятнадцать, и в их движении нет угрозы. Джойс видел в их движении скорее мотив лабиринта (!), вовсе не похожий на мотив сжимающихся клешей или колодца и маятника. Схема лабиринта здесь вполне оправдана: выбор вновь осуществляется разумом, а не верой.

Заключительный эпизод – «Итака» – можно сопоставить как с Одиссеей (Блум уничтожает женихов – свои сомнения в возвращении) и скеле о плавании Майльдун. Тот, отправившись в плавание за нарушение гейса, возвращается, находит убийц своего отца – но прощает им. Прощается и ему. Здесь мотивы смирения и возвращения совпадают у Джойса, Гомера и в кельтском имрам. Но куда возвращается Блум? – К самому изначальному, что только можно представить: к женскому началу – к Молли, к потоку сознания, к водам струящимся, к Океану. То есть к хаосу, не имеющему ни истории, ни структуры, который не персонифицируется. К подсознанию, к состоянию во чреве, познать кое сознанием не представляется возможным.

Таким образом, путь по лабиринту проб и ошибок – даже самый изощренный, джойсовский, не дает ответа на вопрос, что есть человек и каково его место, а только наборы многочисленных соответствий. Единственный ответ на вопрос почему я есть я и здесь – это Молли. Для каждого, как известно, своя. А то и не одна.

Надо заметить, что роман «Имя розы» представляет собой сочетание двух лабиринтов: проб и ошибок и линейного, с Минотавром. Минотавр – это поэтика Аристотеля, ее вторая часть, и тот, кто охраняет ее – Хорхе Бургосский. Неизвестно, что содержит книга, где она, какое отношение она имеет к серии убийств в монастыре, кто ее прячет и зачем. Путем умозаключений и ассоциаций Вильгельм прочитывает, дешифрует события, но уже в соответствии не с правилами, а с символами Нового Завета. И объект путешествия Вильгельма вроде соответствует поставленной задаче: библиотека. Путешествие по символам человеческих мыслей, инициация знанием сознания, постижения, казалось бы, вовсе непостижимого – истоков смеха, того, что во многом делает человека человеком. Но что обнаруживает Вильгельм, выйдя из лабиринта? – Новый лабиринт: сеть. Тайна человека остается запертой. За все теми же семью печатями.

«И, наконец, существует сетка – то, что... называется «ризомой». Ризома так устроена, что в ней каждая дорожка имеет возможность пересечься с другой. Нет центра, нет периферии, нет выхода. Потенциально такая структура безгранична. Пространство догадки – это пространство ризомы. Мир, в котором Вильгельм (как он обнаруживает) обитает, – этот мир выстроен уже как ризома. Вернее, по идее выстроен как ризома. Хотя на самом деле не достроен до конца».

Одну сетевую задачу Вильгельм все же решает: разгадывает кроссворд, который представляет собой план библиотеки, вписывая в клетки-комнаты первые буквы цитат из Апокалипсиса. С кроссвордом еще предстоит встретиться, а первым автором сетевого лабиринта-самопознания оказался все же Уильям Батлер Йейтс с циклами рассказов «Кельтские сумерки» и «Сокровенная роза».

Указания на связи сюжетов рассказов с мифами и легендами древней Ирландии или со Святым

Писанием у Йейтса либо прямые, либо совершенно прозрачные. Также с полным доверием воспринимается автором (он же и герой повествования – рассказчик, вернее, пересказчик) мир народного фольклора ирландцев – без этого доверия невозможно раскрытие основного сюжета книги: бытования традиции как таковой и личной сопричастности ей. Рассказы, между тем, неожиданно пересекаются между собой самым разнообразным способом: то действие происходит в одном и том же месте, то действующие лица одни и те же, то сюжеты рассказов схожи, то мифологические герои, о которых заходит речь, являются в новом – и все же в узнаваемом облики.

Но настоящая связь между рассказами – мифопоэтическая традиция, нечто сакральное, проверяющее на истину само себя, и успешно. Все прочее – и общее и частное – профанное.

Скела (scela) строятся по древнеирландскому принципу вокруг главной, смысловой, раскрывающей ее многообразия. Йейтс изымает из этого круга главную, оставляя лишь комментарии. Почему? Потому что, во-первых, древнекельтская традиция уходит, и речь идет о ее посмертном бытии, жизни-в-смерти. Во-вторых, потому что хочет рассуждать именно о традиции, а она не выражается однозначно, а является именно системой взаимоотношений и взаимоотношений, сетью. В-третьих, традиция шифрует и дешифрует сама себя – не найти ни начала, ни конца. Поэтому ценность ее в ней самой, целокупной, самодостаточной.

Так как же найти себя в этой традиции, как освоить это пространство из причудливо переплетенных тропок (рассказ «Зачарованный лес»), населенное оборотнями («Деревенские призраки», «Таинственные существа») и духами, древними и вечными («Голос»)?

Ответ дается: надо пройти все лепестки-скела, каждый путь, неизбежно ведущий к разочарованию, и тогда эти пути нарисуют середину, ту самую неуловимую точку, содержащую смысл. Где нет ничего – там бог (название одного из рассказов «Сокровенной розы»). Кто должен пройти этими тропами? – Тот, кто разглядит среди видений и встречных лиц вестника сокровенного знания – бога Энгуса. Энгус в различных воплощениях то и дело появляется в рассказах. А уж тогда, если сумеет, то дано ему будет открыть и смысл центральной скела: Красоту. Несомненно, красоту женскую, вечную, угадываемую то в одном, то в другом персонаже как архетип: Мэри Хайнс, королева Мэйв, Этайн, Елена, дочка мельника из Иннис Рат – все едины. А слова поэта о ней будут Истиной («У обочины дороги»). И поэт многолик: от древних филидов и самого Энгуса, до автора «Кельтских сумерек» и последнего глимена – Рафтери.

То есть, как и Джойс, Йейтс приходит к женскому началу как смыслу, но уже весьма определенному, цельному – вернее, знающему о цельном в образах («Королева и дурак»). Самое главное – суметь «видеть так, как видит она».

Таким образом, предназначение человека – быть поэтом, видеть. (У Толкина весь мир был именно предпет в «Музыке Айну» и предвосхищен в видении Илуватара). Но конец пути все равно происходит в вестности, и никогда не превзойти земным певцам голосов жителей Золотого века («Золотой век»).

Итак, путь к сакральному центру пространства – путь поэта, устами которого говорит Любовь, которая есть бог. Сила же поэта – во вдохновении, черпаемом из древней традиции народного воображения. Правда, путь поэта – по обочине («Истории о Рыжем Ханхаране»), и окончательный мир с собой он обретает только в момент смерти.

Вывод может быть таков: путь равен пути. Человек равен своему пути. Смысл человека – в самом человеке. Но Йейтс не дает такого прямого ответа. К тому же путь его, хотя и запутан по сети, все же линейен, как путь древнего охотника (или бродячего поэта-глимена), путь культурного героя, совершающего подвиги по пути своих странствий. Путь связывает наполнение пространства, а не оно определяет путь, что непривычно для человека современности – человека оседлого, Каина.

Продолжая говорить о лабиринте-сети, нельзя не упомянуть о книгах Милорада Павича. Именно у него модель пространства как кроссворда существует не в виде аллюзии, а в виде завершенной модели («Пейзаж, нарисованный чаем»). Павич предлагает множество иных моделей пространства – и все это модели пространства мифопоэтического, ибо создаются человеческим сознанием, накладываясь на бытие как фильтр (словарь, кроссворд, ящик с множеством отделений, клепсидра, гороскоп, гадальные карты). Сборник рассказов «Русская борзая» организован по принципу, близкому к принципу организации «Кельтских сумерек».

Мифопоэтическому пространству в творчестве Павича можно посвящать отдельную работу, однако квинтэссенция концепции пространства Павича приведена в романе «Ящик для письменных принадлежностей»: «душа движется по миру, который содержит в себе» – движется с помощью своих «членов» (их десять). Эта концепция, с одной стороны, близка концепции Йейтса о неизвестной главной скела (grim-scela) и скела-лепестках (rim-scela), с другой стороны с представлениями древних цивилизаций

о том, что человек – ансамбль нескольких существ, тела и нескольких душ. Помимо добрых душ, как то интуиция, мысль, фантазия, есть и злые – например, шайтан. Все души слитны («наш сон – это чья-то явь», «наши сны – это паромы, заполненные чужими душами, а тот, кто спит, перевозит их», «сны не стареют... Они единственная вечная часть человечества») в Адаме, Адаме Кадмоне или Адаме Рухани, но человечество разделено. Путь – это воссоздание тела Адама, который, однако, целый мир, содержащийся в душе. Реализации пути сборки – это декларируемые псевдоструктуры романов Павича.

Однако, и у Павича присутствуют две неопределенности, присутствующие и у Джойса, и у Йейтса. Неопределенность первая («Ящик для письменных принадлежностей»):

– *Этой ночью я видела тебя во сне. Ты когда-нибудь занимаешься любовью со мной во сне?*

– *Да. Но это не я.*

– *А кто?*

– *На этот вопрос нет ответа. Мы не знаем, кто видит наши сны.*

– *Не пугай меня! Как это нет ответа? Кто дает ответы?*

– *Нужно слушать воду. Только когда вода произнесет твоё имя, узнаешь, кто ты...*

То есть снова обращение к хаосу, водной стихии, где нет никаких имен и есть они все, но в нераздельно перемешанном состоянии.

Неопределенность вторая: ожидание конца света. Только тогда природа человека раскроется.

И вывод, сделанный в эссе «Писать во имя отца, во имя сына или во имя духа братства?» – Для идиоритмика, человека XX века, предлагается «Писать во имя Пресвятой Девы Марии». Сиречь тот же выход из лабиринта, что предлагает Йейтс, но с продолжением: «оплодотворение без дефлорации» – Словом, сиречь стремление к богоподобию и делание женщины Девой Марией (христианская мифологема).

И еще один совет по поводу того, как обустроить свое пространство и иницироваться в нем: «Некоторые... не умеют вести хозяйство, и в доме у них всегда беспорядок. Другие не умеют разобраться в своей душевной жизни и там царит хаос. Все это надо вовремя упорядочить, иначе потом будет поздно. Ибо на этом «потом» кончается всякое сходство между домом и душой» («Пейзаж, нарисованный чаем»). Совет сходен с советом Платона – позаботиться о себе, а также с советом дельфийского оракула: «Познай сам себя!»

Так каков же выход из лабиринта?

Больших обобщений, нежели сеть, человечество не знает. Значит, выход из лабиринта остается один: прыжок в ничто, а именно в абсолют, бесконечно удаленный и недоступный. Осуществление такого прыжка предлагается путем не прохождения пространства мифа – где бы оно ни находилось – внутри или снаружи личности – но помещением исторического пути развития человечества в пространство мифа и осознания этого пути через миф. Никакого пути, стало быть, проделывать не нужно – путь уже осуществлен, и длить его таким, каков он есть, абсолютно бессмысленно и даже губительно. Надо переосмыслить его – «метаноит». Путь не в упорстве, а в покаянии. Не в том вера, чтобы не отступить, а чтобы каяться.

Зачем перемещать исторический путь в миф? – Дело в том, что миф дает прагматическую оценку информации, притом объективную, притом полученную от самих же людей, потому что пространство мифа организовано людьми и самоценно, как говорилось вначале. Такова точка зрения автора, чье произведение рассматривается последним.

Выход таков: «...И сам себя судил». Потому что путь истории – путь Каина.

Поэма «Путями Каина. (Трагедия материальной культуры)» Максимилиана Волошина объединяет все постулаты выстраивания и преодоления лабиринтов и ликвидирует лабиринт как таковой, хотя и была закончена в 1926 году.

Бог обитает в центре, в пустоте, где нет ничего, ибо он непостижим. Но, коль скоро лабиринт-источник противоречий в мире, Богом упорядоченном, находится в человеке, то в человеке обитает Бог (ср. у Павича: «на дне каждого сна спит бог»). Коль скоро так, то человек способен к свободному творчеству, конструированию миров и пересозданию самого себя. Но не прежде саможертвы, самоосуждения, по примеру Бога, ограничившего себя актом творения и принесшего себя в жертву.

Путь Каина и путь древнего охотника-героя отвергаются. Остается путь Авеля-пастуха, готового отдать Богу самое дорогое без терзаний и сомнений и взамен приобрести любовь ко всему. Путь Авеля – путь Тома Бомбадила во «Властелине колец» и путь Рафтери в «Кельских сумерках» – умение видеть за вечной смертью вечную красоту и делать ее бессмертной путем самоотречения, сиречь избавления от всякой нарочитости. Путь Авеля – просто путь под звездами, без всякого центра и периферии, ибо его дом – весь мир вместе с Богом. («Все в себе вмещает человек, который любит мир и верит в бога», Н. Гумилев). Это путь возврата к Адаму, но уже знающему имена и слова, путь к Раю.

Основные этапы пути – и построения пространства, декларируемые Волошиным, таковы:

В начале был мятеж, Мятеж был против Бога И Бог был мятежом. И все, что есть, началось чрез мятеж.	Глава «Мятеж», Евангелие от Иоанна
Стал знаком своеволя – Прометеем, И человек создал себя огнем, Заклепанным в темнице тесной плоти.	Глава «Огонь», миф о Прометее
Каждой ступени в области познания Ответствует такая же ступень Самоотказа: Воля вещества Должна уравновеситься любовью. И магия: Искусство подчинять Духовной воле косную природу.	Глава «Магия», книга притчей Соломоновых
Язвит и жжет, и будет жечь наш дух, Доколе каждый Таинственного слова не постигнет: «Отмщенье Мне и Аз воздам за зло»	«Меч», Рим. XII, 19
Я призываю вас к восстанью против Законов естества и разума: К прыжку из человечества – К последнему безумью – К пересозданию самого себя.	«Бунтовщик»
Единственная заповедь «ГОРИ». Твой Бог в тебе, И не ищи другого Ни в небесах, ни на земле: Проверь Весь внешний мир: Везде закон, причинность, Но нет любви: Ее источник – Ты! Бог есть любовь, Любовь же огонь, который Пожрет вселенную и переплавит плоть.	
Не отдавайте давшему: Отдайте иному, Чтоб тот отдал другим	
Нет выхода из лабиринта знания, И человек не станет никогда Иным, чем то, во что он страстно верит. Так будь же сам вселенной и творцом, Создай себя божественным и вечным И плавь миры по льялам душ и вер.	«Космос»

Кто ты,
 Чтоб весить мир весами суеты
 И смысл хулить моих предначертаний?
 Весь прах, вся плоть, посеянные мной,
 Не станут ли чистейшим из сияний,
 Когда любовь растопит мир земной?
 Сих косных тел алкание и злоба
 Лишь первый шаг к пожарищам любви...
 Я сам сошел в тебя, как в недра гроба,
 Я сам томлюсь огнем в твоей крови.
 Как я тебя – так ты взыскуешь землю.
 Сгорая – жги!
 Замкнутый в гроб – живи!
 Таким мой мир приемлешь ты?
 – «Приемлю...».

«Левиафан»,
 Иов XL-XLI

И каждый
 Внутри себя увидел солнце
 В зверином круге...
 ... И сам себя судил.

«Суд»

В циклах «Киммерийские сумерки» и «Киммерийская весна» стихи Волошина не столь яростны (ср. «Они сияли яростно и ясно» в «Кельтских сумерках»), но пафос из них не уходит, как и ясность и предметность. Человек – создатель и пересоздатель себя и пространства внутри себя – при выполнении простых условий: принимать мир и любить – в том числе и себя – настолько, чтобы самому себя судить по праву. Естественно, речь идет ни о чем ином, как о конструировании собственного сознания, софтвера, как говорит Умберто Эко, о нахождении внутри себя себя самого, Внутренней Монголии, как образно называет эту сугубо личную территорию личности современный мифотворец Виктор Пелевин.

Мифология должна помочь в этом отыскании, поэтому искать себя следует именно в пространстве мифопоэтическом, поскольку

Мы, возводя соборы космогоний,
 Не внешний в них отображаем мир,
 А только грани нашего незнания.
 Системы мира – слепки древних душ,
 Зеркальный бред взаимоотражений
 Двух противопоставленных глубин.
 «Путями Каина», «Космос»

Свободы нет, но есть освобожденье!
 Наш дух – междупланетная ракета,
 Которая, взрываясь из себя,
 Взвивается со дна времен, как пламя.
 «Путями Каина», «Таноб»

Обратная связь мифопоэтического пространства и истории

Говоря о развитии представлений и способов применения и отражения мифопоэтического пространства, мы не можем не констатировать того факта, что, войдя в историю (для начала в историю литературы), мифопоэтическое пространство эту самую историю изменило, то есть стало реальностью не только во «вторичном творении» великих писателей, но и в нашем, первичном мире, в так называемой объективной реальности. В одном из научно-фантастических журналов конца 80-х я увидел одну

любопытную анкету: писателям-фантастам предлагалось составить список, озаглавленный как «Десять книг, которые потрясли мир». Любопытны были, разумеется, не сами списки, а именно заглавие. А способна ли книга потрясти мир? Вот и в Индии, говорят, знают Льва Толстого, однако Дели стоит себе и не трясется, а если и трясется, то уж всяко не от книг Льва Николаевича. Ответ таков: книга способна потрясти мир, но мир читающий. Чтобы доказать это, рассмотрим механику такого потрясения.

Разумеется, начинается все с внутреннего мира читателя, в котором тот путешествует и переживает приключения, порой более яркие и удивительные, чем в мире первичном. При этом возникает следующий вопрос: что это еще за внутренний мир? Кто его вообще видел? И как его можно увидеть, коли «мысль изреченная есть ложь»?

Итак, внутренний мир – это представление читателя о чем-то, его образ мысли, психология. Если книга читается не ради собственно чтения, а ради сбора и обработки информации, то уж представления читателя о предмете (понятии, категории) она в силах изменить, притом довольно сильно. То же самое и с образом мысли: при всем своем упрямстве, читатель пользуется какими-то рецептами прочитанной книги. Он по-иному структурирует свое время, по-иному думает о чем-то, по-иному общается. Даже речь его изменяется, обогащаясь цитатами и скрытыми цитатами из прочитанного, а уже одно это влечет за собой изменения в восприятии читателя окружающими, что, в свою очередь, заставляет измениться читателя. Иногда такое изменение бывает довольно сильным.

Итак, книга способна потрясти внутренний мир. А дальше? Что делать с объективной реальностью? Дальше происходит следующее. Все люди хотят путешествовать. Путешествие – это, по словам Толкина («The Letters», письмо 183 к У.Х. Одену, стр. 239–240), «освобождение от растительного состояния беспомощного пассивного страдальца, некое – как бы мало оно ни было – упражнение воли и движения – и любопытства, без которого разум деградирует». Это для читателя. А для автора (см. там же) «это удивительное средство. Оно создает прочную нить, на которую множество вещей, которые он держит в уме, могут быть нанизаны, чтобы создать новое: отличное, непредсказуемое и все же связанное». Проникаясь рассказом автора, проходя дорогами его «второй Вселенной», сиречь мифопоэтического пространства, читатель совершает путешествие, но одновременно он выстраивает это пространство у себя в душе, и оно отлично от авторского, ибо двух одинаковых людей не существует.

(Далее я почти дословно сошлюсь на часть доклада Степана Печкина на II Большом Толкиновском семинаре, проведенном 6 декабря 1995 года в Санкт-Петербурге. Доклад назывался «Общество Российско-Эльфийской Дружбы «Херен Элендиллон», его задачи и направления деятельности, фрагменты базовой концепции и некоторые разработки»). Единственное, что я себе позволю, так это переставить фрагменты этой части в нужном для себя порядке.)

Как известно, два человека не живут в одном и том же мире. Их миры, их Личные Реальности только пересекаются какими-то частями. Части эти назовем облаками Частной Реальности данных людей. Чем больше это пересечение, тем более эти люди живут в одном мире. Пересечение Частных Реальностей всех людей в мире образует «Объективную» Реальность. Понятно, что объективность ее условна.

Это вовсе не значит, что они становятся одним человеком. Как один человек может что-либо, так, с равным успехом, и не один. Объективная Реальность не существует, пока не воспринимается кем-то, а как только кто-то ее воспринимает, она становится его Личной Реальностью. Если их несколько, и они одинаково видят что-то (вплоть до всего), то совпадают только их восприятия, а не они сами. Человек есть не то, Что Он Видит (изображение, видение), а То, Что Видит (субъект, приемник изображения, видения). С разных точек можно увидеть телебашню на Аптекарьском острове без того, чтобы она стала Останкинской Телебашней, или, скажем, Нотр-Дам де Пари. Не секрет, что полностью Частные Реальности не совпадут никогда.

Но нам это и не нужно. Мы удовольствуемся какой-то достаточной частью. Читатель выстраивает в душе мифопоэтическое пространство, и оно с той же скоростью и с той же полнотой реализуется вокруг него. Нужно только терпение и решимость. Старание дает восхитительные результаты, что демонстрирует нам несколько пародийный пример Дона Кихота Сервантеса. Или, скажем, давным-давно из сказок известно, что увидеть эльфа и войти с ним в контакт гораздо легче тому, кто в них верит.

Итак, если одно и то же (с определенным допуском) представление о мифопоэтическом пространстве у группы читателей вызовет достаточно полное перекрытие их Частных Реальностей и образование, таким образом, условно-Объективной Реальности, ведет к массовому переселению данной группы людей в одно и то же мифопоэтическое пространство в одно и то же время.

Скептикам и насмешникам могу лишь ответить: попробуйте опровергнуть такую возможность.

Вот и ответ на вопрос о том, как можно увидеть внутренний мир и как, таким образом, преодолеть то одиночество, которое пронстает от невозможности окончательного самовыражения. В стихотворении Дмитрия Мережковского «Одиночество» говорится:

Чужое сердце – мир чужой, –
И нет к нему пути!
В него и любящей душой
Не можем мы войти.

В довольно слабом фантастическом романе «Отклонение от нормы» американского писателя Джона Уиндема как выход предлагается телепатия. Для меня такой выход весьма сомнителен. Телепатия может означать переход от языка речевого к языку образов и чувств, но от этого язык не перестанет быть сигнальной системой, которая должна быть понятна всем участникам диалога. Таким образом, что-то все равно окажется невысказанным, хотя такой язык, может статься, и будет богаче.

Мне же выход видится в той самой условно-Объективной Реальности, о которой говорит уважаемый С.М. Печкин. Если Частные Реальности совпадают недостаточно, то их носители попадут в разные миры, различающиеся в том, в чем различается их представление о них. И, словами классика, «каждый умрет той смертью, которую придумает сам». Но даже и в этом случае мифопоэтическое пространство, созданное отдельным человеком, как частное пространство его души (или часть такового), становится пусть опосредованно, но доступно изучению другими людьми, при этом дистанция этой опосредованности (которая неизбежна в виду невозможности полного слияния Частных Реальностей) минимальна.

Кроме того, совместное путешествие (для начала пресловутое «путешествие сознания»), а там и настоящее путешествие) дает возможность лучше узнать своих попутчиков. Цитируя все то же письмо Толкина, «в любом случае, я лично нахожу большинство людей непредсказуемыми в любой определенной ситуации или в непредвиденном случае... Некоторые личности более предсказуемы, нежели другие, или кажутся таковыми. Предсказуемые люди проживают в относительно постоянных условиях, и трудно заставить их и наблюдать в ситуациях, которые (для них) необычны. Это было еще одной причиной послать «хоббитов» – если рассматривать их как представление о простых и предсказуемых людях в простых и устоявшихся обстоятельствах – в путешествие вдале от родного дома в странные края и к опасностям. Особенно если они движимы неким сильным мотивом к выносливости и приспособлению. Хотя и без всяких высоких побуждений люди изменяются-таки (или обнаруживают скрытое) в путешествиях: это факт из обычного опыта без всякой нужды в символическом объяснении».

И еще одно: изучение мифопоэтического пространства, созданного другим человеком, должно безусловно сопровождаться изучением языков и культур, в этом пространстве бытующих. Интерес к эльфийским языкам осознание такой необходимости наглядно демонстрирует. По словам С.М. Печкина, «таким образом, не следует надеяться понять эльфа (*и любого человека, добавлю – примечание А.С.*), пока ты говоришь с ним не на его языке. Просто нельзя быть уверенным, что вы говорите об одном и том же одно и то же. Содержательность любого более-менее отвлеченного разговора мгновенно падает до нуля».

Развитие же мифопоэтического пространства в сторону гипертекста, о котором уже говорилось, превращение его в общее для автора и читателей гипер-мифопоэтическое пространство, гипер-Вселенную, действительно способно вызвать к жизни некую новую (относительно новую, разумеется) форму человеческого общения (какое, напомним, роскошь) и новую общность людей. Такое гипер-мифопоэтическое пространство не только решит в какой-то степени вечную проблему одиночества, но и позволит существовать сообществу плюральному, но в то же время и цельному. Это, вероятно, будет своего рода согласие при необходимом разнообразии, причем согласие полностью добровольное, но и налагающее в то же время ответственность на участников, поскольку они сами и являются конструкторами этого согласия. Идея Толкина, высказанная им в программной сказке «Лист работы Мелкина» (перевод С. Кошелева), начинает приобретать не просто аллегорическое и моральное, но и полностью реальное звучание.

В этом смысле особую значимость приобретает постулат об ответственности автора за каждое написанное им слово, ибо очарование «вторичной реальности» – очарование опасное. Вспомним: от очарования рассказанной истории до очарования власти над людьми – один шаг; в мифопоэтическом пространстве есть тропы, бродить коими не следует. Творчество Профессора – от «Утраченных сказаний» и «Забывтой дороги» до последних писем – яркий пример ответственного и бережного отношения автора к «вторичному творению» и к читателю.

Один из наглядных примеров такого проникновения мифопоэтического пространства-«вторичного творения», условно-Объективной Реальности в реальность объективную – это ролевые игры. Игра и жизнь вообще трудно разделимы, но здесь речь идет именно о средстве проникновения во «вторичную реальность». Толкин плохо относился к театральной драме как к подобному средству, но одновременно приветствовал драму Феерийскую, эльфийскую. Об игре у Толкина мы ничего не найдем, но, на мой взгляд, нечто общее между игрой и эльфийским спектаклем есть. Проявляется оно в том, что участники игры воспринимают вторичный мир непосредственно и могут реализовать главное стремление человеческой фантазии – желание творить. «Его не унять подделками, будь это невинные, хоть и неуклюжие, потуги драматурга или злонамеренный обман волшебника. В нашем мире это желание человек удовлетворить не может, и потому оно бессмертно. Если оно не подпорчено, ему не нужны ни иллюзии, ни колдовство, ни господство. Оно ищет совместного обогащения – не рабов, а товарищей, чтобы разделить с ними творчество и восторг» (Дж.Р.Р. Толкин, «О волшебных сказках», пер. С. Кошелева). Те же выводы звучат в статье наших уважаемых коллег и знакомых из Харькова Алины Немировой и Сони Кагна «Ролевые игры: параллельная реальность и социальная адаптация»: «Итак, по результатам анкетирования можно заключить, что РИ являются вовсе не уходом от действительности, а мощным средством спонтанной социальной адаптации, которая ведет к самореализации через общение, диалог с «Другим», а не через эгоистическое самоутверждение. Максимальная эффективность обучения через РИ хорошо известна и уже исследовалась. Кроме того, ролевая игра образует живую параллельную реальность, активно втягивающую в свой мир подавляющее большинство участников, всесторонне влияющую на них, причем, как показало анкетирование, отнюдь не в отрицательную сторону. Что представляет собой эта реальность, и почему в основном РИ построены на материале Средневековья, покажут дальнейшие исследования». Эта цитата тем основательнее, что подкреплена солидным статистическим материалом, верно математически обработанным.

В общем-то, и без дальнейших исследований (хотя они, несомненно, будут интересны и поучительны) можно уже сказать, что авторитарная ролевая игра – выступают ли в роли автора мастера, как у нас, или эту роль играет сценарий, как в играх-парадах на Западе – становится все менее популярной и уходит в прошлое. На смену ей приходит игра-реконструкция, где Частные Реальности игроков естественным образом приходят к пересечению друг с другом и с предложенной им мастерами условно-Объективной Реальностью моделируемой эпохи. О том, почему этой эпохой стало именно средневековье, смотри в «Заметках на полях “Имени розы”» Умберто Эко: «...средневековье – моя мысленная повседневность...» И еще: «...средневековье живо во мне. Если не как профессия, то как хобби и как неотступный соблазн. Я вижу его в глубине любого предмета, даже такого, который вроде не связан со средними веками – а на самом деле связан. Все связано» (пер. Е. Костюкович).

В заключение пассажа о ролевой игре, приведу еще одну цитату из эссе Толкина: «...житель мирной плодородной равнины может с упоением слушать об исхлестанных ветром утесах или о бескрайнем бурном море и стремиться к ним всей душой, ибо душа сильнее и мужественнее слабого, уязвимого тела». О многих участниках ролевых игр можно сказать, что они зачастую, в отличие от жителей мирной плодородной равнины, стремятся к исхлестанным ветром утесам не только душой, но и телом. И, в отличие от альпинистов, не только стремятся телом и душой, но и сами эти утесы (и ветер тоже) с удовольствием придумывают и создают.

Об авторитаризме и, следуя далее, тоталитаризме. Казалось бы, авторский мир диктует свои жесткие законы. Однако вообще для мифопоэтического пространства эти способы существования (режимы) чужды и неприемлемы. Мифопоэтика, как искусство, подразумевает свободу творчества, а сие для тоталитарного режима невозможно. Однако, как убедительно доказал один из главных, на мой взгляд, героев романа Достоевского «Бесы» – Шигалев, исходя из абсолютной свободы, неизбежно придешь к абсолютной тирании. Этим замыканием круга я бы и определил такое весьма расплывчатое ныне понятие, как фашизм. Фашизмом ныне именуют все, кто угодно, всё, что им угодно. Мне же такое вовсе не угодно: коли фашизм есть, то у него есть отличительные признаки. Допустив же, что все по-своему правы, и что все, значит, одновременно и фашисты и не-фашисты, весьма легко – из любви к ближнему – допустить и концлагеря, и прочие свинцовые прелести фашизма.

Подобный подход, кстати, когда взаимно противоречивые идеи объявляются двумя равноправными сторонами одной Вечной Истины, именуется, по Умберто Эко, синкретизмом. Лев Николаевич Гумилев называет такую идеологию идеологией антисистемы. Говорить так или иначе – суть не в этом. Синкретизм, согласно эссе Умберто Эко «Вечный фашизм», является первейшим признаком Вечного Фашизма (ур-фашизма). Согласно учению Льва Гумилева, фашизм суть типичная антисистема. Таким образом, синкретизм, антисистема и фашизм являют собой некое неприглядное целое, с коим

мифопоэтическое пространство не имеет пересечений – только пограничные конфликты. Фашизм, а вовсе не первичная реальность, как ошибочно думают многие, и есть подлинно противоположная мифопоэтическому пространству антивселенная. Извечное противоборство Вечного Фашизма и мифопоэтики – тема для огромного исследования. Здесь нет ни места, ни времени рассматривать все аспекты этого великого противостояния (рассмотрением которого, тем не менее, весь настоящий доклад, в общем-то, и является). Я перечислю лишь основные из четырнадцати характеристик ур-фашизма, приведенных Умберто Эко, и в противовес им поставлю тут же некоторые принципы существования мифопоэтического пространства, о которых в данном докладе уже велась речь.

Итак, синкретизму, культу традиции, пренебрежению к противоречиям, из чего вытекает отсутствие развития знания и почти абсолютная энтропия (то есть принцип «валить в кучу Августина и Стоунхенджа») при железном Ordnung'e, противопоставлены структура мифопоэтического пространства, описанная в начале доклада, замкнутый гипертекст и Quest-переосмысление традиции, путешествие тела и сознания.

Непрятию модернизма, ведущему к иррационализму, оппонирует Фантазия, на которой основаны все способы создания «вторичной реальности», сиречь вид рациональной деятельности сознания.

Действию ради действия, действию вне и без рефлексии противоречит сама идея «вторичной реальности», как способа эксперимента по изменению мира без насилия и принуждения.

Лозунгу «несогласие есть предательство», нетерпимости к любой критике возражает начало «Путей Каина»: «В начале был мятеж, Мятеж был против Бога и Бог был мятежом. И все, что есть, началось чрез мятеж». Различие, несогласие, ведущее к бесконечному разнообразию – способ построения мифопоэтического пространства: нигде более нет такого богатства форм и сущностей.

Ур-фашизм опирается на фрустрированные (от frustration – расстройство (планов), крушение (надежд), разочарование) средние классы, пострадавшие от очередного политико-экономического кризиса и опасющиеся угрозы (часто мифической, в плохом смысле слова) со стороны раздраженных низов. Мифопоэтическое пространство жива Мужеством и Надеждой. «Северным» мужеством (по Толкину), когда впереди лишь неизбежность Рагнарёка, а вокруг пустоши ётунов, но человек остается Человеком, и надеждой на эвкатастрофу при полном осознании неизбежности (даже необходимости) страданий и смерти. Мифопоэтическое пространство призвано не сокрушать надежды и разочаровывать, но напротив, давать удовлетворение древним желаниям (воображаемое, а часто и действительное): общаться с подобными себе и Иными, летать, как птица, жить по-иному, владеть даром бессмертия или волшебства. И еще утешение счастливой концовки – пусть где-то там, за чертой времени и вне кругов мира. Это отнюдь не означает «счастья всем и пусть никто не уйдет обиженным»: в мифопоэтическом пространстве есть все, что есть в нашем обыденном мире и даже много больше – и горя, и радости, – но в нем всегда есть благая весть, дающая, пускай мимолетное, ощущение радости.

Ур-фашизм декларирует постоянную борьбу и войну за будущий «золотой век» для избранных, при этом заявляется о дальнейшем обострении этой борьбы. Получается неразрешимое противоречие: при постоянном обострении борьбы «золотой век» недостижим – напротив, он все более и более отдален, но дело не в этом. Мифопоэтическое пространство призвано даровать если не спасение, то утешение, прибежище и покой (что не отрицает борьбы). Финал мифопоэтического произведения всегда приводит в тихую гавань, хотя никогда не приводит к счастью, к хеппи-энду. Пусть даже это спокойствие смерти, как в романе «Сто лет одиночества», но это спокойствие всегда долгожданно.

Психология фашизма одержима идеей заговора. «Уж сколько раз твердили миру», но идея эта оказалась не в пример бессмертнее призрака коммунизма. Два известнейших романа-предупреждения (но вовсе не антиутопии!), кои разделяет целый век, ярко обрисовали ситуацию, когда такая идея доводится до своего логического конца. Это романы Достоевского «Бесы» и «Маятник Фуко» Умберто Эко. В обеих ситуациях увлечение Планом, поиском Заговора – намеренное или легкомысленное, серьезное или шутейное – ведет к одиночеству, крушению и бесовству, а в итоге и к гибели. Николай Ставрогин и Якопо Бельбо исподволь становятся, к своему ужасу, идейными руководителями этих Заговоров, ибо те, кто ищут настоятельно повсюду заговорщиков, сами становятся таковыми. Для человека свободомыслящего нет ничего страшней, чем попасть в такое идейное рабство, ибо рядом во множестве возникают те, кто жаждет героической смерти и те, кто в героическом нетерпении смерти во множестве умерщвляет других. Вроде бы, герои «Маятника Фуко» занимаются не чем иным, как мифопоэтическим пространством, но в том-то и дело, что пространство это намеренно синкретично. Они возводят даже не башню из слоновой кости, а Вавилонскую башню. Разумеется, она рухнет и многих хоронит под развалинами.

Итак, синкретизмом начав характеристики фашизма, синкретизмом мы и заканчиваем. Змей свернулся в кольцо, схватив себя за хвост. В мифопоэтическом пространстве идея Заговора обречена, поскольку пространство это, с одной стороны, преемственно от начала времен до конца, с другой стороны – дискретно: в нем нет монополии на истину даже при Едином-Создателе. Позитивных мироощущений и мировоззрений всегда много и все они различны; негативные же все едины. Что до башен, то здесь нелишне вспомнить известную притчу Толкина о башне, с которой было видно море (статья «Чудища и критики»). Сколько бы башен ни раскатали по камешку дотошные аналитики, мифопоэтика возведет новые, невиданные доселе сооружения, древние и могучие, с вершин которых можно будет увидеть не только море, но – иногда – и Тол Эрессэа, а может и Валинор.

Мифопоэтическое пространство активно противоборствует ур-фашизму в сфере сознания, а теперь и в сфере действия. Ранее оно было уделом одиночек-интеллектуалов, их домом-крепостью для внутреннего, пассивного сопротивления; ныне же, используя возможности гипертекста и условно-Объективной реальности, которая куда привлекательнее ограниченных мирков новоявленных фюреров, мифопоэтика, можно сказать, переходит в наступление. Что ж, это, пожалуй, самая бархатная из всех «бархатных» революций.

О мифопоэтическом пространстве можно говорить бесконечно. В частности, за неимением места и времени я оставил в стороне такие темы, как соотношение духовных и душевных ценностей в литературе мифопоэтического пространства, а также прочтение жизни как текста. Но пора делать выводы, что является занятием нелюбимым и неблагодарным, ибо, кроме прописных истин, придумать что-либо попросту невозможно. Думаю, что как общий вывод здесь следовало бы привести целиком «Мифопоэзию» Толкина, но, за неимением, опять-таки, места, времени и авторских прав на публикацию поэмы и перевода Сергея Анатольевича Степанова, я ограничусь отрывком:

Я к миру не имею пиетета,
где то всегда есть «то», а это – «это»,
где догма от начала до конца
и места нет для Малого творца.
И пред Железною Короной зла
я золотого не сложу жезла!

Литература

1. Волошин М.А. Избранные стихотворения. – М.: Сов. Россия, 1988
2. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем: – СПб.: Азбука, Амфора, 1998
3. Павич М. Ящик для письменных принадлежностей: – СПб.: Азбука, 2000
4. Павич М. Хазарский словарь: – СПб.: Азбука, Амфора, 1998
5. Йейтс Уильям Батлер. Кельтские сумерки / Вступ. статья В. Михайлина. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998
6. Эко У. Имя розы. Заметки на полях «Имени розы». – СПб.: «Симпозиум», 1997
7. Эко У. Пять эссе на тему этики. – СПб.: «Симпозиум», 1997
8. Гарсна Маркес Г. Сто лет одиночества. – М.: ТОО Баян, 1992
9. Толкин Дж.Р.Р. Властелин колец, / Перевод, коммент. М. Каменкович, В. Каррика, С. Степанова, – СПб.: Терра-Азбука, 1994
10. Приключения Тома Бомбадила и другие истории: Сборник. – СПб.: Академический проект, 1994
11. Tolkien J.R.R. The Monsters and The Critics and Other Essays – Harper Collins Publishers, 1997
12. Tolkien J.R.R. The Letters of J.R.R. Tolkien, HarperCollins Publishers, 1995
13. Гомер. Илиада. Одиссея. – СПб.: Кристалл, Респекс, 1998
14. Джойс Д. Улисс /Комментарии С. Хоружего, – М.: Республика, 1993
15. Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т./Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1992
16. Исландские саги. Ирландский эпос. – БВЛ, т. 8.

Королева сидов

Лишь минет летняя жара,
Я встану ото сна.
Лишь серебром зальет холмы
Охотничья луна,
Лишь только ветер унесет
На юг последний лист,
Пока не слышен за окном
Злой зимней бури свист,
Покуда зелена трава,
Хоть иней по уграм,
И ночь приходит на ночлег
К пастушеским кострам,
И шерсть овечья на плечах
Не заменяет плед, —
Кто понял нечто о холмах,
Отыщет здесь мой след.

На белый известняк камней
Коль сможешь ты взглянуть
Так, чтобы вспомнить в небесах
Молочный звездный путь,
Коль вереска лиловый плащ
Напомнит вдруг привет,
Которым красит горизонт
Закраинный рассвет,
Коль трещин прихотливых вязь
На каменных столбах
Навеет памяти слова
О давних временах,
И не страшит тебя ничуть
Тоскливый волчий вой, —
В холмах услышишь иногда
Далекий голос мой.

Когда не вспыхнет твой клинок,
Услышав слово «враг»,
Когда не сможет отогреть
И дать покой очаг,
Когда журчание ручья
И дикий мох камней,
Узорный папоротника лист
Окажутся милей,
Чем песня девичья, и смех,
И пряжа тонких рук,
Дыханья легкого тепло,
Шагов летящих звук,

Когда нет радости надеть
На палец ей кольцо, —
Придя в холмы, ты, может быть,
Узришь мое лицо.

Я старше кланов, и мечей,
И боевых знамен,
Я старше слов, хотя теперь
Моих не счесть имен,
Моим годам неведом счет,
И все ж я краше тех,
Кому лета и красота
Беспечный дарят смех,
И я светлей любви твоей,
Хотя и свет она,
И, как ни бело полотно,
Я чище полотна.
Меня увидев только раз,
Ты снова станешь петь,
Любить и жить, чтоб этим дом
И сердце отогреть.
Но каждый год, едва взойдет
Охотничья луна,
Ты вновь придешь бродить в холмах
Без отдыха и сна.

Искать того, о чем один
Мечтал в ночи весной —
Тот самый холм, тот самый лог
Где встретился со мной.

И, может быть, в конце концов
В бессонном этом сне,
Раскрыв все хитрости холмов,
Ты путь найдешь ко мне.
Кто знает, вдруг средь всех, кому
Нельзя меня забыть,
Ты обретишь меня навек.

Кто знает? Может быть...

Степь. Ночь.

(из цикла «Обращение к себе»)

Оставь туман закатного окна –
Один лишь дождь пустой и постоянный
За ним течет и падает, до дна
Пронзая душу разочарованьем.

Сквозь злую ночь в далекие края
Уходит меж холмов тысячелетий
Тот древний путь, что приведет тебя
К корням времен, в ночное сердце степи.

Среди развалин мертвых городов,
Вдыхая свет от звездных рек лавины,
Ты видишь след шальных степных ветров,
Забывтых строк находишь половины.

По морю тьмы, трав диких и цветов,
Издаюла, за много дней похода
Тебя догонит лет ушедших зов,
Найдет язык исчезнувших народов.

Степь спит спокойно, словно древний зверь,
Раскинув в ночь огромные пространства,
И ты пройдешь сквозь тысячи потерь,
Но не найдешь такого постоянства.

Тревожной цепью на гребнях холмов
Тысячелетий, времени, тумана
Пробив завесу, тысячи костров
Прочертят вновь путь полчищ Тамерлана.

Хрустальной высью в небе октября
В холодных струях водопадов млечных
Уходит с дальних стен монастыря
Звон колокольный в эхо, тьму и вечность.

Ты станешь гибким стеблем тростника,
В пыль обратятся города и боги,
Размоет дождь железные века –
Бессмертны лишь травинки вдоль дороги.

Поток воды сменяется песком,
Исчезнут прочь империи и страны,
Но степь не дрогнет даже лепестком,
Пока молчат и думают курганы.

В пыли навеки брошенных путей
Вдруг вырастают камни с письменами
Тех, кто ушел в глухую даль степей,
Оставив след, не оцененный нами.

Когда тебя разбудит утром грусть,
И ты поймешь сырую шерсть тумана –
Знай, это осень наполняет грудь,
То белый вздох, пришедший с Океана.

Пройди по жухлой стынувшей траве,
Твой шаг – как жизнь – не будет слишком длинным,
Пусть стаи птиц укажут путь тебе,
В небесной степи разлетаясь клином.

Ты не заметишь, как холодный день
Угрюмой влагой потечет на плечи,
Как невидимкой он уходит в тень,
Как шелестят его тугие плети.

Ты растворишься в ясности снегов,
Когда утихнут первые метели,
Но степь запомнит звук твоих шагов
Как помнит всех, что жили, шли и пели.

Снег времени заносит все следы –
Сам не заметишь, как прошел тропую,
Но по весне появятся цветы
От звезд добра, оставленных тобою.

И силуэты спящих лошадей,
И в диких гривах вечный ветер странствий
Уносит в полночь паутинки дней ...

Теория Л.Н.Гумилева применительно к истории Средиземья

(доклад на 2-м Большом Толкиновском семинаре)

Оправдание темы доклада

Делая этот доклад, я не претендую на какое-либо обобщение, вскрывающее механизмы хода истории толкиновского Средиземья. Почему история эта получилась именно такой, известно разве что самому Профессору Толкину, но фраза из его письма: «Я мыслю исторически» (а не аллегорически) («Письма Дж.Р.Р. Толкина», стр. 239) – позволяет рассмотреть историю Средиземья в свете последних достижений исторической науки, а теория этногенеза и пассионарности Л.Н.Гумилева как раз и является в настоящее время единственным непротиворечивым объяснением истории народов.

Для должного понимания сего доклада требуется знание основных положений теории Л.Н.Гумилева и применяемой им специальной терминологии. Излагать здесь (даже кратко) теорию этногенеза я не считаю нужным, поскольку ныне книги Льва Николаевича легкодоступны, читаются они легко, и любой заинтересованный читатель сможет открыть их для себя, получив немало удовольствия. Для первого знакомства следует прочесть основополагающий труд – «Этногенез и биосфера Земли» (Гидрометеиздат, 1990), а для четкого уяснения значения используемых терминов рекомендую обратиться к другой книге – «Этносфера. История людей и история природы» (издательская группа «Прогресс», фирма «Пангея», «Экопрос», 1993), где в конце помещен подробный «Словарь понятий и терминов».

Некоторые ограничения

Рассматривая историю Средиземья, необходимо ограничиться некоторыми территориальными и временными рамками, а также сделать следующее заявление: теория этногенеза и пассионарности изучает закономерности жизни этносов, т.е. коллективов ЛЮДЕЙ, поэтому материалом настоящему докладу послужит история именно людских племен Средиземья, а также хоббитов, ибо притчей во языцех стала ныне цитата из Пролога к «Властелину колец»: «Хотя в наши дни хоббиты и сторонятся нас с вами, следует признать, что они – наши ближайшие родственники, причем куда более близкие, нежели эльфы или, скажем, гномы». Возможно, что закономерности этногенеза и справедливы для эльфийских народов, гномов или орков, но вспомним, что появление пассионарности как генетического признака является результатом некоторых мутаций, вызванных, предположительно, космическими излучениями. Как действуют (и действуют ли) эти излучения на природу иных, не человеческих, организмов, сказать трудно, а то и невозможно за недостатком достоверной информации (как то отсутствие сведений по физиологии орков или же об истории и образе жизни гномов). Несомненно, что наличие брачных союзов между людьми и эльфами, принесших многочисленное потомство во многих поколениях, говорит за принадлежность их к одному виду с точки зрения современной биологии; однако сведения о духовной природе эльфов и неоднократно встречающиеся в письмах Дж.Р.Р. Толкина утверждения, что эльфами в аллегорическом смысле представлена творческая часть натуры

человека, дают основание судить об эльфийской истории с позиций закономерности развития человеческой культуры, кои носят не колебательный, а циклический характер. Временные рамки, соответственно, не будут слишком узки, ибо история Средиземья с момента появления людей и до самого конца Третьей эпохи описана подробно и датирована весьма четко. Что касается территориального охвата, то здесь придется ограничиться единственным подробно описанным этноландшафтным регионом – Северо-Западом Средиземья (включая Белерианд в Первую эпоху и Нуменор во Вторую). О процессе этногенеза у народов Востока и Юга можно судить лишь косвенно, по их взаимодействию с народами Северо-Запада.

Первая эпоха

Итак, где-то далеко на Востоке, в Хилдориэне, вместе с восходом Солнца пробудились первые люди. Можно ли считать это событие пусковым моментом первого этногенеза? Можно, поскольку уже в 305 году племена Аданов появились на крайнем Западе материка – в Белерианде, причем появились не просто в результате случайных скитаний, но после Великого похода, т.е. у них была четкая этническая доминанта, выраженная в словах Беора, обращенных к Финроду Фелагунду: «Тьма лежит за нами, мы же обратились к ней спиной и не желаем возвращаться туда даже в мыслях. Сердца наши обращены к Западу, и мы верим, что найдем Свет». Такая доминанта вполне соответствует императиву поведения фазы этнического подъема – «Этот мир надо исправить, ибо он плох!» Перед нами явно жизнеутверждающая программа, явившаяся плодом положительного мироощущения, а фазе подъема всегда соответствует положительная доминанта. Почему эту программу я считаю положительной? Да потому, что в основе ее лежит ощущение благости мира и любовь к нему, а не стремление к разрушению и господству. Этим и определяются в дальнейшем в докладе (согласно теории Л.Н. Гумилева) понятия «положительного» и «отрицательного» мироощущения, и возвращаться к этому более нет нужды. Мало того, срок, – 300 лет – за который Аданы преодолели просторы Средиземья – соответствует сроку, «отпущенному» теорией этногенеза фазе подъема.

Эта первая фаза закончилась с расселением по Белерианду племен Аданов, в соответствии с принципом комплементарности принимавших сторону того или иного эльфийского королевства. Тем временем фаза этногенеза менялась, и главенствующим стал императив «Мы хотим быть великими!», на деле выразившийся в том, что, не утратив любви к эльфам, люди не ограничились ролью их вассалов, но сами стали активной силой, влияющей на положение вещей в Белерианде. Переход от фазы подъема к акматической (от греч. акмэ – расцвет, наивысшая стадия) произошел быстро, и императив «Будь самим собой!» стал негласным лозунгом, т.е. будь не просто вождем, но Хадором или Хальдиром, не просто воином, но Береном или Тьюрином. Пассионарность Аданов была в те годы огромной, ибо только высокопассионарные люди могут жертвовать собой ради некоей, возможно иллюзорной, цели, как это сделали Хуор в Нирнаэт Арноэдиад, Битве Бессчетных Слез, и Хадор в Дагор Браголлах, Битве Внезапного Пламени, или в одиночку выйти на бой с драконом, как Тьюрин Турамбар, или совершить великие деяния для своего народа, как Халет или Туор. Но акматическая фаза этногенеза вместе с тем и страшна, ибо высокая пассионарность ищет себе выход – и находит его – как вовне, так и внутри суперэтнуса (этнуса), и гасится этот невидимый пожар только кровью. Пассионарность Аданов, к их чести, в основном тратилась в их бесконечных войнах с Морготом. Но был ли оправдан столь жертвенный

героизм? Не проще ли было бы создать единое могучее королевство, организовать регулярную армию, укрепить границу на севере и жить спокойно? И что толкнуло Берена на бесполезный – а во многом и губительный своими последствиями – поход за Сильмариллом? «Конечно, любовь к Лутиэн», – будет ответ, но всякий ли способен на такие подвиги ради любви? И как объяснить поведение Тьюрина? Только ли скверный характер всему виной? Нет, конечно. Все это – яркие проявления акматической фазы, когда каждый десятый знает, как нужно жить и куда идти, и не хочет признать правоты за другими ему подобными. Мало того, он доказывает свою правоту делом – отсюда многочисленные войны, труднообъяснимые с обывательской точки зрения поступки, резкое чередование блестящих побед и ужасных поражений. «Квэнта Сильмариллион» говорит нам о деяниях героических, но сколько было вражды между Аданами, сколько антигероев, не менее деятельных, но принявших сторону Моргота? О плохом эпосы, как правило, умалчивают («плохом» в смысле проявлений негативного мироощущения героев, а не оценки их поведения с точки зрения современности – главные персонажи скандинавского, германского, кельтского, карело-финского, романского эпосов далеко не всегда нам симпатичны, но никогда они не служат силам зла), но если у эльфов бытовали вражда и предательство, то у людей, как это ни печально, и подавно. Не просто так ведь свершилась миссия Эарендила – предстояние перед Высшими силами за народы Средиземья; те, за кого он предстоял, были виновны в том же, в чем и грешники из псалма 106, 10–14: «Не покорялись словам Божиим, и небрегли о воле Всевышнего».

В битвах с Морготом и стычках между собой пассионарии Аданов погибли или истребили друг друга настолько, что осталось их так мало, и так плохо пришлось обывателям, что девизом последних стал: «Мы устали от великих!». Раньше других это произошло с племенем Халадинов, которые всегда были немногочисленны, их пассионарии погибли быстрее, что и проявилось в отношении к деятельности Тьюрина – его просто не поняли, хотя и боялись.

Тем самым совершился переход к следующей фазе – фазе надлома, но она не наступила. Этнос в момент перехода от фазы к фазе наиболее уязвим для внешних ударов, особенно опасно начало и конец фазы надлома, ибо идейный разброд, резкое падение пассионарного напряжения системы и усиление, таким образом, эгоистичных и неспособных на какие-либо осмысленные действия субпассионариев вкупе с сопутствующим надлому негативным мироощущением у значительной доли пассионариев приводит к незащищенности этноса. Последний натиск Моргота, вторжение людей с Востока – совершенно чуждого Аданам суперэтноса и страшная Война Гнева – все это привело к уничтожению Аданов как активного суперэтноса, и только переселение в Нуменор помогло оставшимся выжить. Выжить и возродиться, но уже как новый суперэтнос – нуменорцы.

Вторая эпоха

Сведений по истории Нуменора имеется немного, но их достаточно, чтобы выяснить, проявляются здесь закономерности этногенеза или же нет. При этом интересно, что в силу недоступности Нуменора все закономерности этногенеза, если таковые имеются, будут прослежены в «чистом виде», без смещений извне.

Но, прежде всего, позволю себе сделать допущение: нуменорцам по воле Валар был дан срок жизни примерно четверо (если судить по хроникам королей) превышающий срок,

отпущенный «простым смертным». Исходя из этого, длительность фаз этногенеза тоже следует увеличить вчетверо, т.е. фаза подъема будет длиться не 300 лет, а 1200 и т.д.

Итак, объявление началом Второй эпохи переселения Адамов в Нуменор вовсе не случайно, ибо это был пусковой момент нового, нуменорского этногенеза, поскольку если бы продолжался процесс, начавшийся в Первую эпоху, то в начале существования Нуменорского королевства мы имели бы дело с фазой надлома (этногенез может оборваться, но «проскочить» фазу не может) и сопутствующими ей гражданскими войнами, нестабильностью, явным отставанием социальных преобразований от быстроменяющихся стереотипов поведения, борьбой мироощущений и завершающим расколом суперэтноса.

Ничего подобного первый этап жизни Звездного королевства собой не представляет. Напротив, разбитые и рассеянные Морготом народы Адамов будто бы восстали из пепла и обрели большую силу и гордость: осваивается огромный остров, возводятся грандиозные сооружения, строится новое государство, притом на совершенно иных принципах, нежели союзы людей Первой эпохи и при иной доминанте. Если в Первую эпоху стремлением было обрести истину и защитить ее (и, оправдав таким образом свое существование, защититься самим от внемирового зла), поддержав эльфов и разделив их судьбу, то у нуменорцев появляется «собственная гордость» – при всем любви к эльфам и ненависти к темным силам, прежде всего для них была идея Нуменора – величайшего из королевств, воплощения самой авторитетной и истинной власти. То есть, если за Эру Единым признавалась власть на небесах, а за Манвэ – в Валиноре, то «князьями мира сего» были Короли Нуменора, а нуменорцы – избранным, самым высоким народом, призванным возглавить все прочие племена. И это типичная доминанта фазы подъема: в самом деле, нет ничего плохого, если народ хочет видеть свою державу великой и процветающей, оказывающей посильную и неунизительную помощь соседям. При этом императив «Будь тем, кем ты должен быть!» господствует. Спустя 600 лет ($600 = 150 \times 4$ – закончилась скрытая часть фазы подъема) корабли нуменорцев появились у берегов Средиземья: только при достаточно высоком уровне пассионарного напряжения возможно изменение стереотипов поведения, в данном случае по отношению к морю, ведь Адамы Первой эпохи не были морским народом, а герои вроде Туора и Эарендила являлись большим исключением. Растущая же пассионарность нуменорцев находила выход в многочисленных дальних морских экспедициях.

Но все хорошее, увы, кончается. Интересно, что сам Толкин в письмах отмечает три этапа духовной жизни Нуменора: первый – принятие Запрета Валар и духовный рост; второй – осознание своего величия и все более растущее недовольство Запретом; третий – открытый бунт, достижение наивысшей мощи и стремительное падение.

Эти три этапа отвечают трем фазам этногенеза, которые Нуменор прошел от воздвижения до низвержения, точно отмечая поведенческие императивы и вкратце характеризуя исторические события, присущие фазам подъема, перегрева (акматической) и надлома.

Краткая летопись подтверждает гипотезу. К 1200 году Второй эпохи ($1200 = 300 \times 4$ – конец фазы подъема и переход к акматической) путешествия в Средиземье сменяются колонизацией, т.е. нуменорцы стремятся уже не познавать, путешествовать или торговать, а властвовать и покорять. Среди же самих нуменорцев начинаются и все более увеличиваются раздоры, вылившиеся после окончательного утверждения нуменорцев в Эриадоре – победы над Сауроном, и, тем самым, ликвидации даже самой отдаленной внешней угрозы – в междуусобицу,

короли же занялись придворными интригами. Тем не менее, высокая пассионарность, умно построенное государство, широкие перспективы для колонизации и громадное превосходство в технологии над всеми прочими людскими народами позволили нуменорскому суперэтносу создать «нуменорский мир», добравшись на востоке до моря Рун, а на юге до дальнего Харада (подобно тому, как Александру Македонскому удалось-таки создать – сам он до этого не дожил – мир эллинистический), и прожить весь отпущенный суперэтносу срок, не погибнув даже после низвержения Нуменора.

Но акамитическая фаза не прошла бесследно: нуменорские пассионарии либо рассредоточились по просторам материка, либо перебили друг друга в междуусобицах, число их резко уменьшилось, но было достаточным, чтобы организовать в этносы и субэтносы – т.е. произошел раскол нуменорского суперэтноса, после чего начались гражданские войны, о которых говорится мало, но крови в них было пролито много. Итак, среди нуменорских этносов можно четко выделить:

1) Верных нуменорцев, воскресивших по-своему доминанту Первой эпохи (причем, в отличие от героев «северного», «рагнарековского» типа, – Тьюрина, Туора, Берена – они несли в сердцах надежду, помня о предстоянии Эарендила).

2) Сторонников короля, доведших «нуменорскую национальную идею» до абсурда, решившись покорить еще и Валинор. Никакими героизмом и мужеством, кои узрел в этом выступлении Н.Д. Перумов, здесь и не пахнет, напротив – «мятежниками» стало именно население метрополии, где уже не осталось тех, кто начинал строительство Нуменора в начале эпохи. Пассионарность, как генетический признак, имеет свойство медленно «дрейфовать» к окраинам ареала расселения его носителей, в эпицентре же со временем своих пассионариев почти не остается, а кипение жизни в столицах поддерживается за счет притока населения из провинций, желающего добиться успеха и сделать карьеру. Но еще больше приток субпассионариев, ибо как раз в огромных городах, где легко прожить, не трудясь, и оседает эта накипь, которая, подобно римскому плебсу, становится подлинным правителем на погибель всем, и себе в том числе. «Хлеба и зрелищ!», «День, да мой!» – вот девизы этой толпы. Более идиотское мероприятие, чем обретение бессмертия посредством захватнической войны, придумать трудно, но когда у лидеров главенствует не опыт, но мнение, а доктрина становится не следствием жизни, а причиной, и принимается (с подачи Саурона) жизнеотрицающая программа переустройства мира, где единственно реальной и совершенной признается Пустота («Главный бог тот, кто обитает в пустоте, кто превозможет в конце и в пустоте создаст бесконечные королевства своим слугам»), а на щит поднимается лозунг «А мы тоже хотим!» (в данном случае – «хотим» стать равными богам, к чему призывал и Великий Орлангур), и совершаются идиотские с точки зрения нормального человека поступки. Собственно, конец Нуменора, а также концы гитлеровской Германии, яковинской диктатуры, большевистского СССР и колониальных империй Великобритании и Франции служат примером того, к чему приводят подобные безумства. Желание мятежников из людей стать чем-то большим, чем люди, «сверхчеловеками» (сравните желание нуменорцев обрести бессмертие и власть над миром, свергнув Валар, то бишь подчинить себе природу, и лозунги недавнего прошлого «Мы не будем ждать милостей от природы...» или «Человек сказал Днепру...») исполнилось: отрицая объективные законы бытия, они от бытия избавились, став «нелюдями», небытием.

3) Черных нуменорцев. В Умбаре на границе нуменорского (позднее – гондорского) и харадского суперэтносов образовали стойкую антисистему, питавшуюся энергией за счет разности потенциалов биохимической энергии (пассионарности) двух взаимно некомплементарных суперэтносов. Люди, выросшие в зоне такого контакта, не принадлежат ни к одному из контактирующих суперэтносов, а вместо присущих тем оригинальных стереотипов поведения и ментальности у них царит калейдоскопический набор несовместимых поведенческих черт и эклектический набор мировоззрений. Объединяет этих людей только негативное мироощущение. Отсутствие этнических традиций приводит к тому, что такая антисистема (химера) не способна существовать за счет кормящего ландшафта, но только разрушает его, а живет грабежом соседей. Такое несимпатичное образование представлял собой Умбар, однако занятие пиратством и войной связано с немалым риском, а потому искусственным путем – привлечением энергичных, но бессовестных и беспринципных негодаев, изгоев в своих родных этносах – население Умбара поддерживало высокий уровень пассионарности. Умбар и занявшие там руководящие позиции Черные нуменорцы чисто формально подчинялись нуменорским королям (иначе бы приняли участие в мятеже Ар-Паразона), ненавидели «верных» и даже вряд ли признавали претензии Саурона, но для антисистемы неприемлема любая позитивная программа, отсюда и постоянные войны Умбара с Верными нуменорцами и Гондором. Ясно, что такое было на руку только Саурону, как и всякое проявление антисистем (и точно, как только на страницах произведений Толкина возникает государство-антисистема, так выясняется, что за ним стоят Саурон или Моргот). Судьба таких антисистем одна: они погибают. Но погибают либо вместе с этносом, за счет которого паразитировали, либо уничтожаются каким-либо соседним суперэтносом, сумевшим пережить болезненный период своего существования. Так произошло и с Умбаром: в 1810 г. ТЭ вышедший из акматической фазы Гондор полностью ликвидировал Умбар как самостоятельное государство. А поскольку у антисистемы не может быть искренних союзников, никто не пришел Умбару на помощь, даже Харад, тогда имевший достаточно сил для противостояния Гондору.

4) «Колонизаторов». В процессе колонизации Средиземья во Вторую эпоху немало энергичных и талантливых выходцев из Нуменора, лишенных возможности сделать карьеру в метрополии, остались среди покоренных ими народов, становясь их вождями и королями. Название «колонизаторы», понятно, весьма условно, поскольку никакого единого этноса они не образовывали, но, будучи гораздо более сильными и мудрыми, создали «нуменорский мир» по принципу мира эллинистического, когда немногочисленные но тщеславные и образованные эллины и македоняне основали несколько царских династий, живя при этом в окружении моря местных народов. Некоторую целостность этот разношерстный «нуменорский мир» все же представлял, ибо был объединен культурной и административной традициями. Именно эти короли-бывшие нуменорцы и стали в середине Второй эпохи назгулами. Рах Numenoriga же довольно быстро распался, так как неизвестные нам, но, несомненно, неоднократно имевшие место пассионарные толчки на Востоке Средиземья быстро преобразили весь его облик. Это видно и по фактам появления у границ Гондора в Третью эпоху истерлингов и харадримов – в их поведении не осталось и следа от нуменорских традиций.

пропорциональна средней продолжительности жизни представителей рассматриваемого этнического коллектива, и, учитывая (по хроникам королей и наместников), что срок жизни у дунаданов в 3 раза превышал оный у других народов, обозрим историю Kingdoms in Exiles.

За почти девятьсот лет (средний срок инерционной фазы – 300 лет, $900 = 300 \times 3$) Арнорское королевство заняло огромные территории Эриадора, были построены многочисленные крепости и оборонительные валы, проложены дороги, над реками появились мосты, расцвели земледелие (огромные чащи, тянувшиеся некогда от Синих до Туманных гор, были сведены под пашни и пажити) и ремесла (пример тому – клады в Курганах), но, тем не менее, в летописях констатируется медленное увядание Северного королевства, и это верно, ибо в инерционной фазе этногенеза, которую переживал в те годы Арнор, на фоне стабильности и благополучия происходит неспешный, но неуклонный спад пассионарного напряжения этнической системы. Целостность системы поддерживается за счет традиции, сиречь за счет нежелания гармоничных особей, доминирующих в это время в системе, менять привычный жизненный уклад, поступаться чем-либо ради некоей цели. Императивом поведения становится «Будь таким, как я!», то есть придерживайся какого-то «золотого стандарта» (коими стали в Риме император Антонин, в Англии – джентльмен, в США – «деловой человек», в Киевской Руси – «честный народ православный» и т.д.). Всякое отклонение от сего стандарта (в любую сторону – лучшую или худшую) воспринимается как чудачество, «дурь», а то и преследуется законодательством как преступление (дуэль, бывшая в порядке вещей в конце XVII в., в конце XIX в. стала «дикостью»). В Арноре таковым стандартом стал рыцарь-дунадан, «ностальгист» по былому Нуменору. С одной стороны, такое положение вещей благоприятно, поскольку соблюдение традиции (будь она выражена в законодательстве, религии, административном управлении или в культуре) дает гарантию спокойного безбедного существования. С другой стороны, упрощение поведенческих стереотипов делает этническую систему жесткой, неспособной к изменению (для этого нужна пассионарность, а ее все меньше по причине как процесса энтропии, так и в силу той же традиции, так как система не способна удержать в себе пассионариев и либо устраняет их, либо игнорирует). Расходуя, таким образом, ценности, накопленные в прошлом, система дает успешно плодиться субпассионариям, неспособным сколь-нибудь проявить себя во времена тяжелые или при наличии достаточного количества пассионарных личностей. Теперь же они имеют возможность не просто выжить, но и занять различные руководящие должности в ставшей жесткой этнической системе, да и, обладая значительным «удельным весом» от общего количества населения, начинают диктовать свои условия, как произошло это в Риме в эпоху «солдатских императоров» или на Руси в период «феодальной раздробленности». Поведенческий императив этих людей – «Будь таким, как мы!», «День, да мой!», то есть не стремись ни к чему, кроме того, что можно съесть и выпить. «Хлеба и зрелищ!» (или же «Водку, закуску и бабу!») – исчерпывающая характеристика их, с позволения сказать, «менталитета». Субпассионарии чужды не то что какой-либо целенаправленной самостоятельной деятельности или заботы о будущем (в том числе и о своем, как большевики из замечательного своей выразительной документальностью романа Николая Островского «Как закалялась сталь», которые вспомнили, что зима, несмотря на социальную революцию, все же состоится, и что нужно строить дорогу для подвозки дров, только с наступлением холодов), сохранению и приумножению ценностей прошлого, они неспособны даже к элементарному самоконтролю, При наличии пассионариев

субпассионарии либо вовлекаются в сферу действия пассионарного поля и могут быть исключительно полезны как исполнители в любой сфере – в управлении, в науке или на войне, но когда нет достойных лидеров, срabатывает «эффект толпы». За казавшейся бесконечной эпохой процветания, «цивилизации», наступает фаза обскурации (от лат. *obscurus* – «сумерки»).

И такая судьба ждет, увы, любой суперэтнос: так прожили свой «золотой век» Рим, Византия, Арабский халифат, Киевская Русь, средневековый Китай, то же ожидает и представляющую сейчас незыблемой «западную цивилизацию» – германский фашизм и бомбы на Хиросиму и Нагасаки первейшие тому свидетельства. Внутри суперэтноса происходят бесконечные неурядицы и свары, но это не гражданские войны фазы надлома, когда пассионариев недостаточно, чтобы поддерживать войну «всех против всех», но вполне хватает для образования нескольких устойчивых консорций-партий, которые, абсорбировав большие массы субпассионариев и гармоничных людей, и вудут меж собой борьбу. В фазе обскурации же колебания пассионарного напряжения незначительны по абсолютной величине, но на общем низкопассионарном фоне они приводят в движение огромные массы, а ввиду отсутствия энергии на поддержание сколь-нибудь надежных системных связей и наличия господства стереотипов поведения, присущих субпассионариям, со всем их «джентльменским набором» из клятвопреступления, бессовестности, трусости, лени, потакания сиюминутным побуждениям, все это кончается трагической гибелью культуры и огромного количества людей («культурная революция» в Китае – тому пример). И не так жалко беспринципных субпассионариев, как никем не понятных пассионариев и тружеников – гармоничных людей. В такие времена этносы легко становятся жертвами своих более активных соседей, ибо субпассионарии не в состоянии защитить даже самих себя.

Фаза обскурации кончается, когда субпассионарии, растратив и промотав почти все, что было накоплено этносом за его долгую жизнь, погибнут, так как обеспечить свое существование не смогут, и этнос либо исчезнет, либо, при наличии некоторого количества пассионарности на границах суперэтнического ареала (вспомним, что пассионарность как генетический рецессивный признак «дрейфует» из эпицентра ареала к его окраинам с течением времени), гармоничные личности не дадут этносу пропасть, и, отстояв самобытность в борьбе с соседями, этнос уже не способен на какие-либо деяния (да и не хочет этого), но традиции еще сильны и жива историческая память о прошлом (а не только сказки и эпос). Пример этносов мемориальной фазы – Грузия и Армения, некогда входившие в Византийскую империю.

Рассмотрим историю Арнора: в 861 году ТЭ королевство распалось на три части, а перед лицом ангмарской угрозы такой шаг был весьма неуместен – это и было наступлением фазы обскурации. Дальняя окраина – Рудаур и Ангмар – быстро образовали химерную целостность, ибо удержать совершенно непохожий на Эриадор этноландшафтный регион, населенный этносами-реликтами Второй эпохи, можно было только силой, а сил таких у Арнора уже не было. В Кардолане же монотонный ландшафт и, следовательно, монокультурность хозяйственной деятельности при малой населенности не дали необходимого для жизнестойкости многообразия этнической структуре. Война с Ангмаром 1409 года и чума 1636 года привели к исчезновению Кардолана, ибо чума одинаково поражает и пассионариев и субпассионариев, но чтобы подняться после чумы этносу нужны пассионарии, а их и вовсе не осталось.

Артедаин сумел преодолеть фазу обскурации, используя союз с эльфами и сохра-

нившуюся благодаря разнообразию ландшафтов некоторую гибкость этнической системы, и к середине XV века ТЭ вступил в мемориальную фазу ($900+200 \times 3 = 1500$, где 200 – средняя продолжительность фазы обскурации). Оборона королевства держалась пограничниками-пассионариями, столицы же увядали все быстрее и быстрее, а к 1974 году их уже некому было защитить, и новый удар ангмарской антисистемы (ангмарцы, подобно умбарским морским пиратам, были пиратами сухопутными) уничтожил героический, но обреченный Артедаин. Выжили только далекие от мест ведения войны слабопассионарные хоббиты да брийские крестьяне, а также все те же пограничники-дунаданы, небольшой к тому времени субэтнос, сохранивший этническую традицию и не погибший лишь по причине вмешательства Гондора, которое положило конец ангмарской химере. Сколь невелика была пассионарность даже у северных пограничников, свидетельствует численность отряда Халбарада: дружина из 30 человек – вот и весь «пассионарный фонд», оставшийся у Севера.

The Kingdoms in Exiles. Гондор.[1]

Но вернёмся на юг.

Гондор в общих чертах повторил бы судьбу Арнора, но пассионарный толчок 1 г. ТЭ, не ломая традиций, унаследованных от владык Андуниев, дал рождение новому суперэтносу – гондорскому. В него, как начальные компоненты, вошли нуменорцы из Андуниев, нуменорцы-жители поселений, основанных на берегах Белфаласа (в том числе Пеларгира и Дол Амрота), а также разнообразные древние племена и народы Семиречья от Андраста до дельты Андуина, от побережий до Белых гор. Вспомним сбор войск в Минас Тирите перед битвой на Пеленнорских полях: несмотря на то, что к 3019 г. ТЭ Гондор находился уже в середине инерционной фазы, т.е. войну должна была вести *профессиональная* армия (а много представители суперэтнуса инерционной фазы и помыслить не могли), *все* гондорские провинции прислали подмогу, пусть немногочисленную.

Что же за идея объединила столь различные, на первый взгляд, этнические элементы?

Доминантой гондорского суперэтнуса стала вера (подобно тому, как вера христианская создала Византию), а также осознание Гондора как единственного оплота и защитника этой истинной веры. Толкин исключил из текста «Властелина колец» какие-либо упоминания о религиозных культах, но по речам Фарамира в Хеннэт Аннун, описаниям церемоний при гондорском дворе и некоторым фрагментам из «Unfinished Tales» можно понять, что гондорский, а ранее и нуменорский, Короли одновременно обладали и высшим духовным саном, олицетворяя, таким образом, королевскую власть как власть данную свыше, а Короля – как человека, облечённого этой властью, но одновременно и ответственного перед Богом за вверенное ему владение. Таким образом, Король не имел права на произвол и безнравственность (тот, кто этим правилом пренебрегал, не пользовался доверием подавляющего большинства гондорцев, и Кастамир – тому пример), а народ чтил Короля как исполнителя высшей воли на земле, а потому с готовностью шёл на битву и на труд.

Подобная система существовала и в Византии, где басилевс допускался к участию во Вселенских соборах, т.е. принадлежал к кругу высшего духовенства, но был подотчётен патриарху, как своему духовнику. Патриарх же зависел от императора как высшей светской власти и помазанника божьего, но без благословения патриарха войско не пошло бы в бой. «Силы

духовная и светская уравновешивали друг друга, вследствие чего новая этническая целостность была крепка», – пишет Л.Н. Гумилёв.

Также, хотя несколько по иному принципу, организовался и гондорский суперэтнос: на деле в Гондоре властвовали не император-диктатор и не теократия (особенно во времена Наместников), но диктатура совести, выраженная в догматах веры и в законах. Но, как известно, самые чистые каноны вероисповедания и наисправедливейшие законы могут быть обращены в свою противоположность (например, инквизиция времен Торквемады или СССР с самой демократичной конституцией того времени – сталинской). Посему определяющим является то, чему вера и законы являются индикатором, а именно система стереотипов поведения, складывающаяся из отношений на уровнях:

- 1) персона – персона,
- 2) субэтнос – персона,
- 3) субэтнос – субэтнос,
- 4) этнос – субэтнос,
- 5) этнос – природа.

И принцип диктатуры совести соблюдался на всех пяти уровнях, вот почему Гондор сумел выстоять и во внешних войнах, и во внутренних усобицах, сохранив лояльность всех составляющих суперэтнуса центральной власти, а также и кормящий ландшафт. Тот же симпатичный принцип помог Гондору найти искренних и верных союзников на Севере и в Долинах Андуйна, а также в течение довольно длительных периодов времени мирно сосуществовать с воинственным и опасным Харадом.

Продолжавшийся к началу ТЭ процесс нуменорского этногенеза наложился на процесс, начавшийся в результате нового пассионарного толчка, но не повлёк за собой каких-либо внутриэтнических столкновений, ибо система была гибка. Дунаданы-нуменорцы нашли своё место в обновлённом суперэтносе как победоносные воины, не изменив при этом присущий нуменорцам стереотип поведения: гордость, суровость, некоторую отчуждённость и довольно высокомерное отношение ко всем прочим народам. Рыцари Дол Амрота и династия Наместников – вот примеры нуменорских субэтносов и консорций, доживших до конца ТЭ в гондорской среде.

История Гондора I тыс. ТЭ – история великих военных побед и мирных деяний. Конечно, главный враг – Саурон – в то время отсутствовал в Средиземье как деятельная сила, но опасностей у Гондора и без него было немало. Тем не менее, сначала к 590 г. Ромендакил I и Турамбар разбили восточное нашествие (а те племена – назовём их условно «истерлинги-1» – тогда находились на самом пике акматической фазы, так как были подняты тем же пассионарным толчком широтного направления, что и Гондор, т.е. были очень сильны), а к 1050 г. Хьярмендакил I блокировал Умбар и усмирил Харад (правда, ненадолго: меридиональный пассионарный толчок, по всей видимости, 1000 г., прошёл через пустынную северную часть Туманных гор, Ирисные низины, ненаселённые Дикие земли к востоку от Андуйна и Мордор и, наконец, через Кханд и Ближний Харад. В результате к 1500 г. Юг вновь стал беспокоен и могуч и освободелся от гондорской зависимости).

В это же время – до 1000 г. – Гондор распространил своё влияние на Каленардон и в какой-то степени на Энедавайт, обрёл господство на море и побережьях. Были построены новые и отрстроены старые города: Осгилиат, Минас Анор, Минас Итил, Пеларгир.

Но ход природных процессов неумолим, и эпоха королей-строителей и Морских Королей, королей-отцов державы, сменилась эпохой королей-цезарей, королей-себялюбцев: наступила акматическая фаза. Атанатар больше радел о собственном покое, нежели о Королевстве, а зря: на Дол Гулдура уже пала тень, тревожно стало на мордорских границах, а гондорские пассионарии стали ненадёжны. До вооружённых столкновений дело пока не доходило, но явно шла борьба идей и стремлений по принципу «все против всех», не случайно в Приложении А к «Властелину колец» сказано, что Ромендакил II вдруг стал испытывать нужду в людях (надо понимать, в *верных* людях, а ведь прежде такого не случалось!), а потому привлёк к себе северян.

Северяне к XIII в. ТЭ находились в гомеостазе. Пассионарный толчок 1000 г. фактически не задел их, так как жили они в те времена в основном к востоку от Великого Зеленолесья, а ось толчка прошла по долине Андуина. Великий лес же, как ландшафт монотонный и малонаселённый, да ещё более опустевший после появления назгулов, никак не способствовал дрейфу пассионарности к востоку.

Таким образом, северяне были консервативны, но искренни в своих симпатиях и антипатиях, поэтому небольшие пограничные инциденты на северных границах Гондора прекратились, а Королевство обрело новые силы, ибо в результате интеграции Рованиона система, в акматическую фазу очень гибкая, усложнилась: Север получил из Гондора пассионарность, что не добавило спокойствия внутренней жизни Королевства, но это же и спасло Королевство в конце II тыс. ТЭ.

Объединение Севера и Гондора стало формальным поводом для мятежа Кастамира, но когда пассионарная энергия ищет себе выход, повод найдётся всегда. Усобицы в Гондоре не были случайны, природные закономерности брали своё. Но здесь-то и проявляются последствия содеянного в прошлом, часто весьма далёком: одни государства рушатся и не поднимаются более, народы исчезают, оставив лишь имя, а иные переживают тяжёлые дни, но после словно воскресают – и процветают. Описанная выше система стереотипов поведения гондорского суперэтнуса выдержала испытание временем.

При рассмотрении отношений северян и Гондора напрашивается параллель с отношениями между готами и Византией, но сходство здесь лишь внешнее. Готы в IV–VI вв. находились в акматической фазе и расселились по всей Европе, основав несколько королевств, но их энергия не нашла себе применения в какой-либо стройной системе, поэтому племена готов или погибли, или растворились среди народов покорённых ими же стран. С Византией готы поначалу враждовали (не только из-за неких материальных приобретений, но и потому, что готы, как и прочие германские племена, исповедовали христианство арианского толка, кое в Византии было осуждено на Вселенском соборе 381 г. в Константинополе как ересь), затем, после бурных событий, описание которых заняло бы немало места, часть готов поселилась на дунайском рубеже, выполняя роль пограничников, а затем готы и вовсе перестали существовать как самостоятельный субэтнос в составе Византии, так как доминантой византийского суперэтнуса было православие, а не национализм, и индикатором отличия этнических элементов были вопросы «Во что веруешь?» и «Как веруешь?» (т. е. ортодоксально или еретически), а основой единения – изречение «... нет ни Еллина, ни Иудея ...» (**Кол. 3, 11**). Готы, принявшие православие, сохранили жизнь, но потеряли самобытность.

Сохранившие же своё «варварство» в течение почти 100 лет (с 378 г. до 475 г.) держали в страхе всю Восточную Римскую империю, выиграв войну у императора Валента (сам император был убит в сражении) и захватив ведущие посты в государстве и особенно в армии. Но, оторвавшись от привычных ландшафтов и не имея возможности традиционно вести хозяйство, да к тому же при отсутствии этнической доминанты, стали жить за счёт местного населения, постепенно превратившись из этноса в одну из «партий», борющихся за власть. Хотя готы успешно воевали с внешними врагами (зачастую против своих же соплеменников-германцев), они же использовались императорами для подавления восстаний и сбора налогов, поскольку не были «своими» для принявших никейское исповедание византийцев. Всё это не могло вызвать симпатии к готам, и при императоре Зиноне готская клика была заменена на исаврийскую, не менее, впрочем, жестокою и чуждою народу, но и защищать готов никто не испытывал желания.

Иное дело – северяне и Гондор. Если сопоставление Гондор – Византия правомочно, то история средиземского Севера I – начала II тыс. ТЭ вовсе не похожа на готскую. До появления гондорцев на Севере племена и народы к востоку от Великого Зеленолесья жили, не покидая своего ареала, вели натуральное хозяйство и представляли собой разве что некоторое культурное и языковое единство, т.е. их этносы находились в статическом состоянии. Контакт с Гондором вовлёк часть северян, а именно не слишком значительную числом часть их пассионариев и слабопассионарных личностей, в процесс гондорского этногенеза. Прочие же, когда мощь Гондора с началом фазы надлома умалилась, предпочли уйти дальше на Север и в Долины Андуина. Нашествие Возничих, чума, война с Ангмаром раскололи Север на две части: оставшиеся с Гондором, в отличие от готов Византии, сохранили самобытность даже к концу ТЭ (в хрониках постоянно встречается упоминание о различии потомков смешанных браков гондорцев и северян и коренных гондорцев-нуменорцев), да и вообще, если судить по сбору войск в Минас Тирите, гондорские народы мало перемешались между собой, сохранив довольно высокий уровень пассионарного напряжения, свойственный социоэтнической, а не социокультурной целостности.

Оставшиеся на Севере надолго пропали из поля зрения Южного Королевства, и тому есть свои причины, но о них позже.

Итак, к 1800 г. ($600 \times 3 = 1800$ – среднестатистический срок конца акматической фазы) ТЭ Гондор выбрался из бурной акматической фазы, на излёте коей при деятельнейшем участии вошедших в суперэтнос северян сумел добиться в 1810, 1944 и 1975 гг. трёх знаменательных побед: в 1810 г. была уничтожена умбарская химера, в 1944 г. – окончательно разбиты Возничие, и угроза из степей Руна надолго миновала, а в 1975 г. пришёл черёд химеры ангмарской.

Это, однако, был последний взлёт, поскольку за ним наступил надлом. В летописях о времени между 2000 г. и 2475 г. ТЭ почти ничего не сказано, но факты налицо: гондорцы окончательно отступают за Андуин, теряя связи с Севером; мордорский рубеж не охраняется; Минас Итил и Огилиат разрушены, их Палантири утрачены; Каленардон опустел; влияние на Энедвайт утеряно полностью; харадримы, вошедшие к 1900 г. ТЭ в инерционную фазу, хозяйничают в Южном Гондоре и в Умбаре; на удержание Итилиена не хватает сил, остаётся лишь вести там партизанскую войну; освобождённый было после войны с Ангмаром Эриадор забыт прочно и надолго – это при взгляде извне. А внутри в это время угасла династия Королей, были преданы забвению эльфийские традиции: «После Королей Гондор погрузился

в «средневековье» упадка знаний и упразднения искусств», – как повествуется в «Unfinished Tales» в предании «Палантири». Страна, по всей видимости, утратила былую монолитность, отдельные районы и города к концу ТЭ стали почти самостоятельны, и лишь древнейший нуменорский род Наместников сумел остановить распад системы, возродив на новый лад нуменорскую же доминанту «Избранного Королевства» и «рагнарёковское» мужество Первой эпохи. Духовные ценности отодвинулись на второй план, – как и везде во времена надлома, у гондорцев наблюдалась «утрата идеалов» – и Толкин отмечает это.

Дело в том, что в фазе надлома в любой этнической системе есть значительное число людей либо сохранивших идеалы минувшей акматической фазы, либо проповедующих ценности грядущей фазы – инерционной, но в целом поведенческий императив определяется словами «Мы знаем, мы знаем – всё будет иначе!», а как это «иначе», никто не знает, поэтому социальные реформы всегда запаздывают, законы «не работают», и, как следствие, часто возникают концепции с мироотрицанием в основе, что приводит не только к бессмысленным с точки зрения потомков разорительным гражданским войнам, но может привести к гибели и суперэтнос, и кормящий ландшафт, как это случилось с Нуменором [2], многими германскими народами I тыс. н.э. и чуть было не случилось с Россией в XX в.

Только с возвращением истинного Короля – а значит, с возрождением прежней духовности (уже было сказано, что в Нуменоре и Гондоре Короли олицетворяли участие в судьбе страны высших сил) – к Гондору пришла настоящая победа над Врагом. При Наместниках же – идеальной со всех точек зрения, но лишённой духовной значимости власти светской – все блестящие военные победы были обречены обернуться в конце поражением.

Тем не менее, Гондор, опять же подобно Византии, преодолел и годы надлома, не допустив гражданской войны, и к 2400 г. ТЭ ($800 \times 3 = 2400$ – среднестатистическое время окончания фазы надлома в истории суперэтноса) Гондор вступил в инерционную фазу. Система стала жёсткой, прочно утвердившись в своих естественных границах (как и Византия, к 800 г. установившаяся в пределах Греции и Малой Азии). Государство возглавлял Наместник, провинции были вполне самостоятельны, но по призыву Наместника местные правители обязаны были прийти с дружиной. Такой порядок напоминает каролингскую феодальную Европу с её порядками «Вассал моего вассала – не мой вассал» и «Nullum officio sine beneficio» (т.е. «Нет услуги без благодарности»), только островок бывшего Нуменора – Дол Амрот – придерживался старых принципов. Не следует считать, что гондорские рыцари и нобили конца ТЭ утратили всякие понятия о чести, совести и отечестве, но разница между ними и воинами и соратниками, скажем, Ромедакила I была такой же, как, если придерживаться византийских аналогий, между Иоанном Цимисхием и Велизарием. Армия стала профессиональной, цивилизация приняла техногенный характер.

Инерционная фаза часто сопровождается расцветом культуры. На деле этот расцвет является следствием накопленного этносом за предыдущие фазы этногенеза духовного опыта; в инерционную фазу устойчивый порядок даёт возможность заниматься науками, искусством, литературой и сохранять произведения в целостности, а уровень пассионарного напряжения уже недостаточен, чтобы заниматься переустройством мира (такие люди есть, но в завершающих фазах этногенеза они выглядят «белыми воронами»), хотя именно они спасают этнос от гибели при внешней угрозе. Шарль де Голль и Уинстон Черчилль – примеры из самого недавнего прошлого).

Однако для занятий бизнесом или изучения прошлого пассионарности вполне достаточно. Хотя в Гондоре древние знания и были во многом забыты, но по замечаниям Гимли об архитектуре Минас Тирита, по присутствию таких персонажей, как Фарамир или Главный Управитель Обителей Целения, видно, что образование в Королевстве стояло на довольно высоком уровне, а науки и искусства развивались, пусть и в утилитарном приложении.

Традиционная гондорская внешняя политика (как тут не вспомнить блестящую византийскую дипломатию!) вновь принесла успех. Союз с Роханом (на сей раз именно союз, а не инкорпорация: изменить себя гондорцы уже не могли), заключённый дальновидным Кирионом, обеспечил Королевству возможность вести маневренную кавалерийскую войну, которую орки и харадримы вести просто не умели и терпели поражения, а тяжёлая конница истерлингов не могла найти себе применения в мощном ударе. Дело, конечно, не столько в коннице, сколько во взаимном доверии двух государств, ведь надёжными и полезными могут быть только искренние союзники.

Описанное упорядочение при медленном остывании пассионарности, возможно, и блекнет по сравнению с годами подъёма, но гарантирует системе внутреннюю безопасность и устойчивость ко внешним воздействиям.

И действительно, ни атаки из Мордора, ни нашествие балхотов, ни Долгая Зима, ни вновь активизировавшийся Харад не смогли нанести Гондору стратегического поражения. Несмотря на высокопарные речи Боромира и Денетора II, у Южного Королевства ещё были силы, и немалые. Битвы на Пеленнорских полях и у ворот Изенмоута никогда не были бы выиграны, если бы Гондор на самом деле «бился из последних сил». Гондор 3000 г. ТЭ соответствовал Риму времён Траяна или Византии Македонской династии.

7. Север [3]

Итак, почему же исчез древний Рованион, а вместо него к середине III тыс. ТЭ на картах вдруг оказались Дэйл, Эсгарот, Беорнинги и рохирримы?

К концу II тыс. угроза для северян со стороны Ангмара была ликвидирована, юг Зеленолесья затенён Дол Гулдурум, с Востока можно было ждать любых неприятностей, гондорцы отступили за Андуин и Белые горы, а память о чуме 1636 г. ещё не загладилась. Поэтому естественным было уйти в более безопасные места – к северу, тем более, что в Эреборе набирало силу королевство гномов, торговля с которым была страшно выгодна.

Всё так, но этого мало. Для адекватной реакции на враждебные внешние обстоятельства необходима повышенная способность к действию, при этом она должна быть хотя бы у 3% населения, иначе этнос либо исчезает как самобытная структура, либо гибнет, как это произошло со многими племенами североамериканских индейцев, тасманийцами и как это происходит ныне с народами Крайнего Севера.

Иное дело средиземский Север. Но откуда же у северян появился необходимый для смены стереотипов поведенческий признак? Привнесённая из Гондора пассионарность не могла сыграть столь существенной роли: последствия контакта Гондора и Рованиона рассмотрены в предыдущей главе, и проявились они гораздо раньше, начиная со времён Ромендакила I.

Северяне «некогда были многочисленным и могучим *объединением народов*» («Unfinished Tales»), «Дружба Кириона и Эорла», курсив мой – Э.), а в начале III тыс. вместо этого возникают

военная демократия – Эотеод, торговые республики – Эсарот и Дэйл, королевство – Беорнинги и поселения «вольных людей» – лесовиков и жителей Долин Андуина. Добавим к этому, что примерно тогда же морийские гномы вместо того, чтобы героически погибнуть в подземных войнах с орками и балрогом, отправились почему-то к Серым горам, Эребору и Железным холмам, т.е. они знали, куда идут и зачем, значит, у них была своя программа действий и способность эти действия осуществить. А с долго – более тысячелетия – молчавшего Руна нагрянули Возничие, и не просто с грабительским походом, а в результате миграции, вполне организованно, всерьёз и надолго.

Эти факты дают основание утверждать, что в XIX в. ТЭ через Средиземье прошёл ещё один пассионарный толчок, на оси которого оказались Минхириат, Мория, долина Андуина, центральная часть Зеленолесья, северный Рованион и степи к северу от внутреннего моря. К западу от Туманных гор Эриадор к тому времени опустел настолько, что никакой этнической целостности там возникнуть не могло, а вот на северо-востоке последствия не замедлили сказаться.

У нас нет данных по истории Севера в III тыс., за исключением истории Эотеода. В 1899 г. вождь северян Мархвини помог Калимехтару одержать победу над Возничими, но восстание в Рованионе потерпело поражение, и Мархвини отошёл в Долины Андуина, где собрал остатки войска и беженцев, чем и положил начало Эотеоду. В 1977 г. Фрумгар увёл Эотеод на север, в 2000 г. сын его Фрам одолел в бою дракона Скату, а у слияния Лангвелла и Грейлина была построена крепость Фрамбург.

Рованионцы ничем подобным не отличались: жили в определённом ареале – лесостепи (а рохирримы, к примеру, лесов боялись), героев-драконоборцев среди них не водилось (да и просто полководцев тоже: войска Рованиона успешно действовали только под началом гондорцев), а укреплений строить и вовсе не умели («селились большей частью на открытых местах» в низких деревянных домах, как повествуют «Unfinished Tales»). Мало того, даже языки у рованионцев и рохирримов, беорнингов и народов Дэйла и Эсарота отличны: у первых – явно готский, у вторых – древнеанглийский и древнескандинавский.

Часть рованионцев, не присоединившихся к Мархвини, «... бежали за Келдуин, Бегучую, где смешались с народом Дэйла под Эребором, с которым они состояли в родстве, иные укрылись в Гондоре ... В большинстве же северяне были обращены в рабство, а их земли заняли Возничие» («Unfinished Tales»). Об укrywшихся в Гондоре речь уже шла, а тем, кому не передался пассионарный признак, была уготована рабская доля.

Не думаю, что отступление к Дэйлу, который, выходит, к 1900 г. уже существовал, можно однозначно назвать бегством. Бежать по степи от природных степняков-Возничих было бы делом безнадёжным, значит, было не бегство, а весьма организованное отступление. Да и жители Дэйла, не имея они должной пластичности поведенческих стереотипов, не приняли бы к себе такое количество пришельцев, на плечах у которых висел опасный враг.

Кроме того, в «Хоббите» есть упоминание о некоей стране Дорвинион, лежащей близ моря Рун. Не исключено, что это была ещё одна ветвь рованионцев, отступившая к юго-востоку.

Таким образом, налицо пассионарный толчок, создавший северный суперэтнос. Фазы подъёма и акматическая его не попали в гондорские хронографы, да это и понятно, ведь пешего пути от Минас Тирита до Фрамбурга было «восемьсот миль» («Unfinished Tales») через земли, наводнённые орками Туманных гор, затенённые Дол Гулдуrom и открытые набегам истерлингов, т.е. вести практически не доходили. Да у двух суперэтносов были и свои внутренние неотложные

дела: Гондор переживал надлом, а от акматической фазы кочевых культур обычно остаётся мало памятников, если только степняки в это время не контактируют активно с каким-либо земледельческим суперэтнотом, но рохирримы жили изолированно.

К 2500 г. ТЭ, однако, северный суперэтнос должен был перейти к фазе надлома, знаменующейся расколом суперэтноса. Так и произошло. В 2510 г. рохирримы в одночасье ушли с Севера в Каленардон. Конечно, были и призыв Кириона, и память о старой дружбе, и осознание поднимающейся в Мордоре чёрной силы, с которой можно было бороться только сообща. Но: грозившие Гондору балхоты (чей приход был результатом раскола в фазе надлома у тех же «кистерлингов-2», фазу подъёма коих представляли Возничие) не могли дотянуться до Эотеода через Чернолесье, орки же Туманных гор не представляли серьёзной опасности для кавалерии рохирримов в степи, да и целых 500 лет ни о каких переселениях не было и речи.

Следовательно, причины надо искать внутри северного суперэтноса. В чём конкретно было дело, мы уже не узнаем, но можно указать на два фактора:

1) рохирримы недолюбливали эльфов, а лесное королевство Трандуила значительно к тому времени расширилось (возможно, тот же пассионарный толчок XIX в. повлиял и на эльфийское королевство);

2) если учесть, что в Войне Кольца Север с одной стороны и Гондор с Роханом с другой не выступили единым фронтом, понятно, что между воинами-рохирримами и торговыми республиками и королевствами Севера существовали значительные разногласия.

Вероятно, торговая экспансия Беорнингов, Дэйла и Эсгарота при неизбежном при этом союзе с королевствами гномов привела к конфликтам на Севере, и Эорл блестяще использовал представившийся ему шанс: разом обрёл и сильного союзника – Гондор, и новое место расселения, не требующее смены способа ведения хозяйства – Каленардон.

Но возникает законный вопрос: где же все те бедствия, что сопровождают надлом? – от Эорла до Хельма Рохан процветал и расширялся, как повествует хроника. С виду так и было, но: во-первых, рохирримы – это *этнос* в составе северного средиземского суперэтноса, т.е. таксономическая единица на порядок ниже суперэтноса, отсюда большая переменчивость его судьбы. Эотеод был самой «нецивилизованной», окраинной частью Севера, а потому сохранил сильные традиции (традиции времён фазы подъёма), что позволяло удерживать в этнической структуре пассионариев и находить применение их силам. Следствием и того, и другого являются высокий уровень организованности внутриэтнической жизни и большая резистентность этноса даже в фазе надлома.

Во-вторых, до правления Хельма у Рохана не было значительной внешней угрозы – нашествия с Юга и Востока сдерживал, главным образом, Гондор. Едва только могучий южный союзник оказался не в силах оказать помощь, едва лишь немного активизировались в целом инертные, как и положено реликтовому этносу, дунлендинги, едва чуть-чуть после поражения балхотов зашевелился Рун, едва природа сменила милость на гнев (Долгая Зима), как Рохан оказался на грани не то что военного поражения (оно было полным), но исчезновения как этноса.

А произошло все это как раз в самое нелегкое время – в конце фазы надлома (в 2759 г., по прошествии 800 лет после ухода Эотеода на Север – пускового момента роханского этногенеза), когда этнической системе необходимо совершить некоторое сверхусилие, направленное этнической доминантой, чтобы не развалиться.

К слову, подобная внешняя могучесть, разом пропадаящая от, казалось бы, незначительного толчка, характерна для фазы надлома. Учёные по сей день спорят до хрипоты: если в октябре 1917 г. в Российской Империи произошёл всего лишь дворцовый переворот (а не явил себя некий мощный исторический процесс), то как могла сия сверхдержава встать с ног на голову в течение каких-нибудь пяти лет? Ответ прост: могла. И процесс исторический был именно в той фазе, когда подобные вещи случаются, только надо помнить, что речь идёт не о процессе развития производительных сил и производственных отношений – он происходит очень медленно и постепенно, а об этногенезе фазы надлома. Этническая система в это время недостаточно жёстка, часто неустойчива, полоса свободы чересчур велика. А люди, как известно, склонны к злоупотреблению свободой. А если таковой «злоупотребитель» ещё и пассионарий? Вот и появляются такие лидеры, как Сулла, Савонарола, Сталин ... Вот и исчезают вдруг куда-то сила и слава Османской империи, средневековой Испании, Золотой Орды, древней Македонии ...

Для Рохана всё кончилось хорошо: восторжествовала идея Эотеода, «народа-войска», военной демократии (хотя и при наличии короля). Марка – не только пограничное владение в Каролингской империи, но и вид соседской общины с отдельным земледельцем (чересполосицей) – *аллодами*, но общими пажитями (что для скотоводов-рохирримов было очень важно), лесом, реками; купля-продажа земли при этом запрещалась, все спорные земельные вопросы были в ведении общины (и, значит, вне компетенции короля). По событиям III части «Властелина колец» видно, что отдельные районы Рохана были вполне самостоятельны, а под единым началом действовали лишь при переходе на военное положение.

Весьма вероятно также, что в Рохане имела место характерная для инерционной фазы, наступившей во времена II династии, удельно-лествичная система, когда каждый из потенциальных претендентов на корону (как бы призрачно в соответствии с правилами престолонаследия ни выглядели его шансы) получал, согласно своему положению в иерархии наследования, какой-либо город или область в управление. С выпадением кого-либо из лестницы (в связи со смертью, изгнанием, отречением и т.п.) вся система приходила в движение, правители (князья) обретали удел рангом повыше. Такой порядок соблюдался в Киевской Руси и тюркском Вечном Эле. Лестница, безусловно, имеет свои плюсы и минусы, но для стабильной инерционной фазы годится как нельзя лучше: властители властвуют согласно порядку «феодальной номенклатуры», а не истребляют друг друга, губя простой народ и разоряя страну, воины состоят в профессиональной армии или полиции, народ живёт по «правде» (т.е. по закону), купцы могут свободно и спокойно торговать – все на своих местах.

Надо заметить, что рохирримы, благодаря такому построению государства, могли собрать и перебросить на огромное даже для нашего времени расстояние в рекордно короткие сроки очень большое по меркам Средневековья войско и организовать мобильную оборону по широчайшему фронту. По сравнению с Роханом гондорское рыцарство в деле организации военных кампаний выглядит не лучшим образом. Ещё один довод в пользу наличия в Рохане лестничной системы – определённая степень родства у военачальников и удельных правителей.

В итоге к моменту событий трилогии Рохан, как и Гондор, пребывал в середине инерционной фазы и являл собой устойчивую социоэтническую систему, что и сыграло решающую роль в трудное для страны время.

Если придерживаться естественных здесь германских аналогий, то Рохан весьма

походит на королевство вестготов – единственное готское королевство, просуществовавшее довольно долго (разрушено оно было лишь в 711–713 гг. арабами, да и то не окончательно). А вестготский король Теодорих I героически погиб на Каталаунских полях в битве с войском Аттилы – восточным нашествием. Этот вестготский король – наиболее яркий прообраз короля Теодена.

Что до судьбы других этносов и государств Севера, то на исторической арене мы их видим вновь лишь в XXX в. ТЭ, в «Хоббите». Как и следовало ожидать, взору нашему предстают торговые республики и вольные города вроде Ганзейского союза. Единственное исключение – лесовики (Woodmen), соотносящиеся с добропорядочными горожанами Дейла и Эсгарота как североамериканские трапперы, ковбои и фермеры с бюргерами Западной Европы.

Север богател за счёт выгодной торговли, мог позволить себе содержать надёжные хорошо вооружённые армии, вполне достаточные для отражения орочьих нападений. Но перед сауоновой мощью этого оказалось недостаточно. Героев, подобных Барду-лучнику, осталось маловато, и, если бы не королевства гномов и эльфов, события Войны Кольца на северном театре военных действий были бы куда как печальнее.

На фоне Дейла и Эсгарота уровень пассионарного напряжения у Беорнингов был повыше, сам же Беорн – ярко выраженный пассионарий, а в бою – настоящий бьёрсерк. О войне в долинах Андуина, меж Хитаэглир и Чернолесьем, не говорится ничего, кроме того, что «земля Беорнингов дымилась ...», как видит Фродо с вершины Амон Хен. Вероятно, впрочем, силы и храбрости лесовикам и беорнингам покамест было не занимать, если они смогли выдержать и отбить одновременный натиск с востока из Дол Гулдура и орков с Туманных гор.

О хоббитах

Поскольку все сведения по истории хоббитов до похода Бильбо Беггинса Туда и Обратно умещаются в нескольких строках, то не будет лишним привести эти строки здесь, дабы не утруждать читателей, не имеющих охоты рыться в хронологической пыли. «Путеводитель» Фостера [4] гласит:

Хоббиты. Один из молвящих (speaking) народов Среднеземья, в истоках своих близко родственный людям. Хоббиты, сотворенные ещё в Первую эпоху, не были слишком навязчивы и проживали в Долинах Андуина в основном незаметно для других народов вплоть до внезапного взрыва (well) в Третью эпоху. Около 1050 г. ТЭ хоббиты, уже разделившиеся к тому времени на три ветви: Fallohides, Harfoots и Stoors (приведены английские названия ввиду отсутствия удовлетворительных переводов – на мой вкус и цвет, разумеется – прим. автора доклада), потянулись на запад, прочь от зла Чернолесья ... В 1600 г. было положено начало Заселью, и вскоре почти все хоббиты перебрались туда или в Бри, хотя в 2463 г. на Ирисных Полях существовало поселение Stoors 'ов, а ко времени Войны Кольца встречались странствующие хоббиты.

За исключением Великой Чумы 1636 г. и Долгой Зимы 2758 г. хоббиты в Эриадоре жили по большей части мирно и уютно в Заселье и в Бри, благодаря покровительству Гэндальфа и Следопытов. Их численность росла, и границы Заселья расширялись дважды: в 2340 г. Старбаки основали Бакленд, а в 32 г. ЧЭ королем Элессаром Заселью была дарована Западная Марка (Westmarsh, перевод докладчика) ...

Можно упомянуть, что у Stoors 'ов с Ирисных Полей в 2463 г. ТЭ был матриархат,

и что все хоббиты одно время могли быть объединены в матриархальные кланы (по поводу «матриархальности» хоббитов с Фостером можно не согласиться – см. комментарии к академическому изданию «Властелина колец» в переводе Марии и Валерия Каменковичей). Также достойно внимания, что хоббиты, хотя и будучи привержены домашнему уюту, провинциальны и равнодушны к окружному миру, в момент опасности становились смелы, ловки и бесстрашны. К концу Третьей эпохи хоббиты единственные в Среднеземье (вместе с людьми из Бри) сохранили отчества (surnames). Они жили около ста лет; тридцатитрёхлетие считалось совершеннолетием.

Из приведённого описания следует: до 1000 г. ТЭ хоббиты жили тише воды ниже травы в определённом ландшафте (речная долина, лесистые холмы); около 1000 г. произошёл «внезапный взрыв» (well), после чего целый народ пустился в странствия через горы и странствовал лет этак 600 (при этом все три ветви порознь), после чего объединился, пережил чуму (в которой сгинул Кардолан), гибель Артедаина и, спустя 1000 лет, вернулся к мирному образу жизни, изменив по сравнению с первоначальным состоянием принципы организации (до 1000 г. – кланы, после 1600 г. – сельская община), при этом ярко выраженные в годы странствий различия между тремя ветвями хоббитского народа ко времени Войны Кольца сгладились настолько, что сохранились только в виде фамильной гордости за толщину семейного альбома (имеется в виду неравнодушие хоббитов к генеалогиям), гораздо большую значимость приобрело деление по месту жительства (иными словами, родовую общину сменила соседская). Кроме того легко вычисляется «коэффициент длительности жизни» хоббитов – он равен примерно 1,5.

На основании сделанных ранее выводов и вышеизложенного можно предположить, что «внезапный взрыв» 1050 (на запад двинулись Harfoots'ы) – 1300 (начало похода Stoors'ов) гг. был вызван меридианальным пассионарным толчком 1000 г., и маленькие и неприметные хоббиты смогли преодолеть Туманные горы – преграду, которую соорудил ещё Моргот как препятствие для самого Оромэ – и вообще выдержать пятисотлетнюю борьбу за существование на беспокойном в то время Севере. Это была фаза пассионарного подъёма: структура этноса была изменена, местообитание «переехало» в похожий, но удалённый на 1500 км от изначального ландшафт, хоббиты органично вошли в непривычную для них социальную среду – королевство Артедаин, но не потеряли самобытности, то есть налицо был факт изменения пластичного стереотипа поведения.

Куда же делась пассионарная энергия хоббитов в дальнейшем? Где их акматическая фаза, надлом, обскурация? Судя по ходу истории, после обустройства в Заселье хоббиты вновь вернулись к гомеостазу, и это объяснимо: подобно тому, как в Первую эпоху под натиском Моргота угас суперэтнос аданов, в результате не дожив до фазы надлома, в Третью эпоху пассионарность хоббитов оказалась «съеденной» внешней средой. Хоббитам было не до побед (идеал победы характерен для акматической фазы) и не до стремления к некоему туманному «иначе» («Мы знаем, мы знаем – всё будет иначе!» – императив фазы надлома), даже не до поисков удачи с риском для жизни, каковое стремление присуще инерционной фазе (профессии купца или военного, к примеру) – их задачей стало поддержание своего естественного образа жизни, что и является атрибутом гомеостаза. Пассионарии хоббитов вынесли все тяготы II тыс. ТЭ, все походы и адаптации в новой среде – и ушли в прошлое, даже имён их не помнили, кроме совсем уж легендарных братьев Мархо и Бланко и Бандобраса Тука (не знаю, как у кого,

а мне при упоминании сего почтенного мужа вспоминается песенка «Старый дедушка Коль был весёлый король ...») В отличии от аданов Белерианда хоббиты, благодаря изменившимся к лучшему внешним условиям, не перестали существовать как этнос, но динамический процесс их этногенеза оборвался. Характеристика стереотипа поведения хоббитов и описание Заселья, содержащиеся в первых главах «Властелина колец», соответствуют уровню пассионарного напряжения гомеостаза – жизнь в гармонии с окружающей средой, консерватизм, неприятие «странностей», нормальная сопротивляемость внешней агрессии – как силовой, так и идеологической. Этнос в состоянии гомеостаза невозможно инкорпорировать: он либо исчезает в результате истребления или растворения в среде более динамичного и многочисленного пришлого этноса (как индейские племена в Северной Америке или финские племена в России), либо продолжает жить обособлено и по-своему (народы Кавказа или Крайнего Севера). Если такой этнос не слишком стар (как в своё время тасманийцы или хоббиты, оставшиеся в Долинах Андуйна), и его противник сам находится «не в лучшей форме», – в фазе надлома, к примеру – то статичный этнос выживает: Ирландия не приняла инквизиции, скифы ужаснулись маздакизму, Кавказ выстоял против Российской империи. Хоббиты, в свою очередь, отбились от орочьих банд и не стали долго терпеть «саруманизм» – идеологию антисистемы. Свой дом, семью, обычаи представители такого этноса защитят, но на сверхнапряжение они не способны. Субпассионарий в такой системе не выживет, поскольку не способен обеспечить себе кусок хлеба, а этнос не будет его кормить (да и не может этого себе позволить – поэтому был изгнан Голлум), но и сколь-нибудь более энергичный на общем фоне будет вызывать недоверие, даже если его пассионарность будет очень невелика и направлена в сторону совершенно безобидных для окружающих целей – как у Бильбо Беггинса со страстью к стихотворчеству или у Туков со страстью к богатству.

Коль уж мы коснулись персоналий, то позвольте завершить эту главу сравнительной характеристикой хоббитов-героев произведений Толкина, а точнее пятерых самых знаменитых: Бильбо, Фродо, Мериадока, Перигрина и Сэмуайза. Кому из них присущ пассионарный признак, то есть повышенное стремление к действию?

Бильбо никуда не отправился бы самостоятельно: Гэндальф сумел точно определить его «пунктик» – любовь ко всему красивому, изящному, необычному, то есть то, что называется аттрактивностью – стремление к абстрактным идеалам истины, красоты и справедливости – но это свойство сознания, а не пассионарность, являющаяся признаком генетическим, а не благоприобретённым. Естественно, что о красоте и справедливости можно рассуждать и лёжа на диване, а можно ползть ради того же в драконье логово; несомненно, что слабая степень пассионарности у Бильбо имела, иначе не было бы ни Приключения, ни стихов, но ничего этого не было бы также и без Гэндальфа.

То же, что и о Бильбо, можно сказать и о Фродо, и о Сэме с той лишь разницей, что их обоих вело чувство долга. Ни Фродо, ни, тем паче, Сэм не проявляют инициативы: Фродо выполняет свой Quest вовсе не потому, что ему этого хочется – такова его доля. Другое дело, что Фродо имеет моральную силу эту долю принять и нести, но это свойство как раз особой гармоничных, в то время как пассионарий способен менять обстоятельства, а не только их выдерживать. Что до Сэма, то он идёт вслед за хозяином, потому что «так положено», а иначе никак не возможно, поскольку выходит за рамки установленного хоббитского жизненного уклада. Всё сказанное ни в коей мере не принижает ни роли, ни заслуг Фродо и Сэма, ни их самих

как личностей, ибо воздаётся каждому по делам его. Присутствие у кого-либо большего или меньшего уровня биохимической энергии есть необходимое, но отнюдь не достаточное условие для того, чтобы поступать по совести и в соответствии с положительным мироощущением.

Перигрин Тук, как справедливо отметила в своём докладе на 1-м Большом Толкиновском Семинаре Татьяна Лазаревна Фиглин, почти ребёнок, «непосредственный, любознательный, но безответственный». За всеми его действиями стоит желание быть не хуже других, показать себя, казаться и быть взрослее, значимее – он и в поход-то идёт потому что боится, что его не возьмут. Перигрин добивается своей цели – он идентифицирует себя, становится взрослым, но мотивы его поступков принадлежат сфере сознания. Почти все поступки Перигрина подпадают под критерии детскости, сформулированные в книге Эрика Берна «Люди, которые играют в игры» [5]: цель поставлена за него, в соответствии с нею он структурирует своё время и, наконец, он предпочитает, чтобы ему указывали, как делать те или иные вещи – всё, что он делает, он делает для других или по примеру других. К концу книги, повторюсь, Перигрин взрослеет: клятва верности Денетору – совершенно самостоятельный, импульсивный и бескорыстный поступок, деяние, но нигде более ничего подобного от Перигрина мы не увидим. Все сказанное о Перигрине, опять таки, ни малейшим образом не означает, что достойный Перигрин Тук, впоследствии *тан* Заселья, чем-то хуже некоего эталона: речь всего лишь о том, что он не является пассионарием – не более.

Во всей отважной компании хоббитов есть один-единственный пассионарий – Мериадок Брендибак. Внешне его действия не мотивированы ничем, но именно он начинает «слежку» за Бильбо и Фродо, он воплощает в жизнь (а в значительной степени и разрабатывает) план «переселения» Фродо в Бакленд, он ведёт хоббитов через Старый Лес, он отправляется погулять по Бри (один и ночью), интересуется маршрутными картами в Ривенделле, не полагаясь целиком и полностью на Гэндальфа и Арагорна. И далее, вопреки складывающимся обстоятельствам, он находит возможность уйти на битву под стены Минас-Тирита, и не случайно именно он помогает Эвейн повергнуть Короля назгулов. По возвращении в Заселья именно Мериадок возглавляет и успешно завершает борьбу с сарумановыми бандитами. Весьма показательным изречением Мерри после того, как он срывает глупую инструкцию на воротах близ Брендивинского моста: «Я здесь ещё много чего нарушу!» В конце оказывается, что Мерри не обделён и писательским даром. Прозвище «Великолепный» очень точно характеризует его деятельность: идеал Мериадока – идеал победы, крайне раритетный для Заселья. И если есть вообще у Толкина победитель, то этот победитель (в определённом смысле, разумеется) – Мериадок Брендибак.

Примечания:

[1] При написании этого и последующих разделов доклада автором использованы цитаты и сведения из собрания работ Дж.Р.Р.Толкина «Unfinished Tales» в переводе С.М. Печкина, за что автор доклада выражает автору перевода сердечную благодарность.

[2] См. 4-ю часть доклада, «Резвый пони» №1 (4), 1996.

[3] При написании этой части доклада широко использованы сведения из собрания работ Дж.Р.Р. Толкина «Unfinished Tales». Автор доклада выражает автору русского перевода – С.М. Печкину – сердечную благодарность.

[4] Foster R. The Complete Guide to Middle-Earth, HarperCollins Publishers, 1993, p.199-200

[5] Берна Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы: Пер. с англ. / Общ. ред. М.С. Мацковского; Послесловие Л.Г. Юнина и М.С. Мацковского. – СПб.: Лениздат, 1992, стр. 180.

THE HOARWELL BRIDGE

Не улыбнется отблеском зеркальным
Свинцовая осенняя река.
Лес спрятался в холмы полоской дальней.
Я снова здесь с тобой, моя тоска.

Три арки мост – угрюмый стылый камень.
Рокошет неумолчная вода,
Куда моя монета молча канет –
Я заплатил за долгие года,

Когда ходил к серебряному морю,
И провожал к закату корабли,
И жадно пил вино чужого горя,
Но не пьянел. И к осени земли

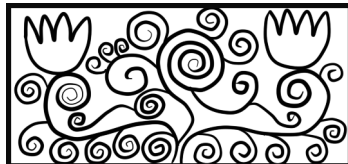
Сюда, в пустынный край я возвратился
Октябрьский холод приложить к вискам.
Сюда, где я с тобою обручился,
Невеста моя вечная – Тоска.

Что ж, наша свадьба вновь не состоялась,
Неподнята и девственна фата –
Кольцо твое опять со мной осталось,
И мне другая – навсегда не та.

Вот мой залог – на дне реки монета
Текут, бурля, несчетные века –
Тем крепче он: здесь ржавый сумрак Леты
Над ним не будет властен. И пока

Я буду жив: обет мой – возвращаться.
И мой зарок – не знать твое лицо:
Нет воли от тебя мне отказаться,
И смертью будет освятить кольцо.

Я – капитан осеннего пространства.
Тоска моя по-прежнему чиста ...
Небывшей свадьбы пышное убранство
Несет река под арками моста.

ЖУРЧИТ РУЧЕЙ ТОРОПЛИВЫЙ...

Журчит ручей торопливый.
Ты рвешь за листиком листик,
И вот в ладони у милой
Зеленый лежит трилистник.
Под кельтским поющим небом
Искать и покой и волю,
Жить вереском, а не хлебом –
Не самая русская доля.
А после, встретясь у следи,
Семь звезд, на полночь горящих,
Звать не Ковшом, а Телегой,
Колеса светил крутящей
По валким небесным горкам,
По горней алмазной пыли,
За море с водою горькой,
Где сны не отнять от были,
Откуда закатные звезды,
В росе отражаясь синей,
Восходят – рано ли, поздно –
Из летописей России.
С тех пор я с заветной думкой
В холщовой простой одежде
Хожу, и в походной сумке
Вместились мои надежды:
Дойти до конца-до края,
Где травы врастают в небо,
Где в синих просторах рая
Кольшатся волны хлеба,
Где мы вдруг странно узнали
Друг друга слова и лица,
На вечной Его скрижали
Попав на одну страницу.
И Он листопадом звездным
У самого края лета
Таким же вот часом поздним
Читал нам главу об этом.

БАЛЛАДА

Навек один – к пустынным берегам,
Где можно на песок упасть, рыдая,
И рассказать безмолвным облакам
О миражах придуманного рая,
Что больно жгут, бесследно исчезая.
Как пульс морей – недремлющий прибой –
Привычный столь – и неизменно новый –
Бесплотных мыслей непрерывный строй, –
Неутомимо ищущих иного,
Выплескивая музыку и слово.

Холодным обжигающим волнам –
И только им – надменно доверяю
Печаль по недоступным островам,
Чтоб волны, неизбежно отступая,
Назад спеша, преграды не встречая,
Не ощущая грани роковой
У тайного закатного покровя,
Несли туда привет незримый мой,
На берега, где я не буду снова,
Выплескивая музыку и слово.

Я клятву дал наперекор богам –
И проклят был. Былое проклиная,
От рощ зеленых к мертвенным снегам,
К забвенью и туманам злого края
Ушел из незаслуженного рая.
Упрямой, пережившей всех скалой
Один расту из прошлого седого,
Незнающей раскаянья тоской
В долину преходящего земного
Выплескивая музыку и слово.

Посылка.

Тому, кто жадной грешною душой
Коснуться смел до пламени святого
И был сожжен, но, боль избыв тоской,
Неодолимо жаждет боли снова,
Выплескивая музыку и слово.

УХОД ИЗ ДЕТСТВА

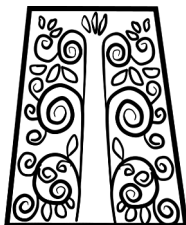
(из цикла «Обращение к себе»)

Когда за тобою навеки захлопнутся двери,
И поступью времени станут удары часов,
Ты можешь скитаться по истинам в поисках веры,
А можешь усвоить несложный устав городов:

С букетом невянущих роз и дежурной улыбкой
Встречать на вокзале любовь, поезда и года,
Разлуки и горе считая досадной ошибкой,
Которую, впрочем, возможно исправить всегда –

Достаточно просто найти в расписании поезд,
Слегка потолкаться и выудить нужный билет,
А, коли не вышло, не стоит себя беспокоить:
Всегда есть купе, претендента в которое нет.

И вдаль по железным путям полететь без оглядки,
Сверяя хронометром этот размеренный бег,
А, если наскучит, от скуки ведь есть пересадки,
И станций достанет на скучный наш серенький век.

Толкиновское Общество
Санкт-Петербурга

объявляет о проведении

**МАЛОГО
ТОЛКИНОВСКОГО
СЕМИНАРА**

23 апреля 2016 года

Приглашаем к участию!

Заявки на доклады принимаются до 13 апреля

Инициативная группа: Ника Лаубе, Мария Семенихина

Регистрационная форма и подробная информация о семинаре представлены в почтовой рассылке. Чтобы получить её на свой e-mail, пишите на minor.ts.2016@gmail.com.